

Станислав Анатольевич Запорожченко

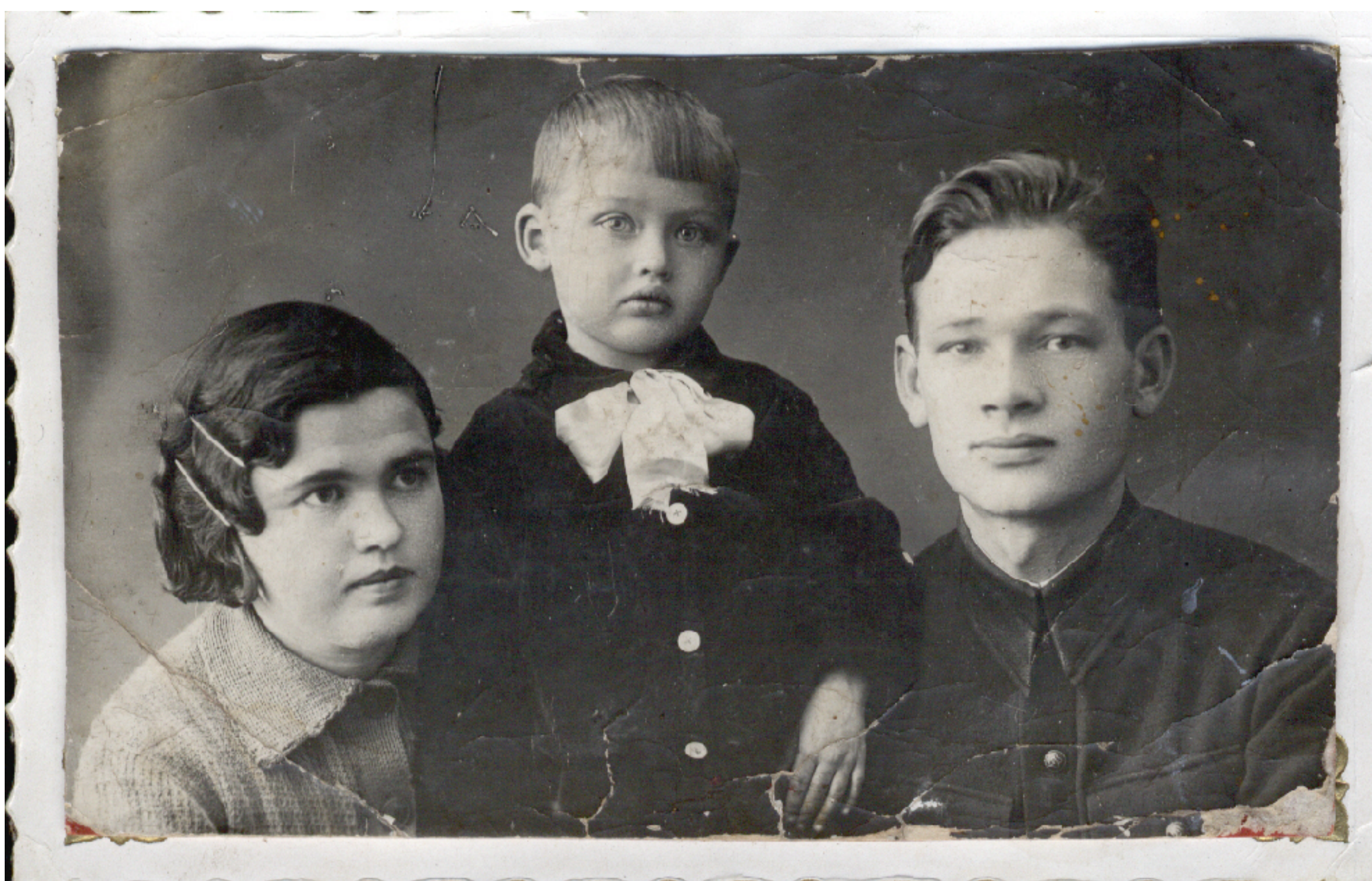
Моё поколение. Последние свидетели войны.

«Если бы не память, жизнь была бы невозможна;
если бы не забвенье, жизнь была бы невыносима».

Не знаю, кто сказал..., но здорово.

Я не думаю, что родители планировали моё рождение в голодный, 1933 год; так получилось.

В 1932 году Чепига Александра, двадцати лет от роду, заканчивая Полтавский институт социального воспитания, вышла замуж за младшего командира Красной армии Запорожченко Анатолия Кирилловича. А на следующий год, как и положено, родили сына.

О голоде тех времён я знаю по рассказам и описаниям. Купить продукты в то время было сложно, но отец получал паёк и кормил, как мог, кроме жены и тёщи, ещё младшую сестру Аню и младшего брата Александра, которых он забрал к нам в Полтаву, чтобы не умерли с голоду.

По рассказам родителей, первые несколько лет моим воспитанием занималась бабушка – Чепига Харетина Фёдоровна, а родители в это время ездили с места на место, как и все военнослужащие, из Полтавы в Харьков, потом Изюм. Меня забрали от бабки в возрасте около 5 лет и мы переехали из провинциального городка Изюма, что стоит на Северском Донце, плавной дугой огибающего город, в индустриальный Никополь, что на юге Днепропетровской области. Это довольно большой и древний город с интересной историей. В далеком XII веке на территории города была расположена Никитинская Запорожская Сечь. Именно здесь, на берегах теперешнего Каховского водохранилища, гетманом Запорожского войска был избран Богдан Хмельницкий. В XIX веке через Никополь проходил Чумацкий шлях и казаки, которые возили из Крыма соль, переправлялись в этом месте с одного берега Днепра на противоположный. В 30-х годах XX века начинается строительство Никопольского трубного завода, крупнейшего в Европе и с этого времени полностью меняется жизнь города. Застраивается новый район города – Соцгород, невероятно зеленый и симпатичный. Улицы города – это широченные проспекты. Начиная с приезда в Никополь, в моей детской острой памяти сохранились какие-то

картинки.

Счастливые довоенное детство

1938 год... Мы стоим с мамой на палубе речного парохода, который проходит через шлюзы днепровских порогов. Все пассажиры наблюдают, как открываются огромные ворота шлюзового канала и пароход проходит в первый шлюз. Ворота закрываются, и пароход опускается вместе с водой на несколько метров. Потом снова открываются ворота, и пароход переходит во вторую камеру шлюза. Шлюзование проходит долго, но никто не уходит с палубы. И, наконец, пароход выходит на просторы Днепра. Поздно вечером мы подплываем к освещённому огнями городу.. – Никополь.

Воскресенье... Мы идём с отцом по городу. Продают мороженое. Мороженщица закладывает в специальную форму круглую вафлю, затем ложкой накладывает в форму мороженое и сверху ещё вафлю, выдавливает из формы кольцо мороженого, готово. Мне кажется, что такого вкусного мороженого я не ел больше никогда. Кстати, кто не знает, в Советском Союзе первое мороженое появилось только в 1937 году. Изготавливалось оно на оборудовании, привезённом из США, по ГОСТу, который считался одним из самых жестких стандартов в мире. Мороженое выпускали без консервантов, по единой в стране технологии. На экспорт ежегодно отправлялось 2 тыс. тонн холодного лакомства.

Заходим в магазин, отец покупает рыболовную удочку и наживку. Подходим к Днепру и отец с пирса забрасывает удочку. Ничего не ловится.

Ещё в памяти. Идём с мамой по городу. По дороге цокот копыт. В строге строю едут конные красноармейцы; каждый держит вертикально деревянную пику со стальным наконечником («грозное оружие»), на наконечнике красный флажок. Доблестная красная кавалерия...

1939 год. Снова Полтава. Мы живём в коммунальной квартире на улице Шевченко. Мама часто вспоминала это счастливое время. Живем в коммунальной квартире, занимая одну большую комнату с центральным отоплением. В квартире несколько семей военнослужащих; все молодые. По воскресеньям собираются на общей кухне и играют в лото. И нам, пацанам, повезло. Во дворе дома стоит разбитый грузовик. От грузовика осталась рама с задним и передним мостами и открытая кабина. Но главное... руль и педали. Вот возле этого грузовика мы, в основном, и тусуемся.

Это спокойное и счастливое время длилось недолго, всего около года.

Дивизия снимается на новое место дислокации.

Снова отца переводят на новое место службы. 25 Чапаевская дивизия, в которой служил отец, сначала участвует в освобождении Западной Украины, а затем освобождает Бессарабию.

Сейчас националисты говорят о сговоре Сталина и Гитлера, о «преступном» пакте Молотова - Риббентропа, об аннексии части территории Польши Советским Союзом, об оккупации большевиками Украины. Но если бы не тот «сговор», Львов не был бы украинским, а тысячи «національно свідомих» не были бы украинцами. 15 марта 1939 года польский кабинет министров должен был рассмотреть вопрос о выселении украинцев из западноукраинских земель на польские и рассеять их там между поляками. Но в тот момент международная атмосфера стремительно напрягалась и поляки тогда не решились на этот шаг. Безусловно, это было известно советскому правительству и в 1939 году соответствующие меры были приняты.

К 1939 году люди, проживающие на территории освобождённой Красной армией, уже начали забывать украинский язык; они говорили на страшном суржике – помеси польского и украинского языков. В 1945-46 годах на западную Украину нужно было послать сотни

учителей с восточной Украины, чтобы научить людей украинскому языку и другим наукам. Так наша большая родня попала на Западную Украину.

Что бы там не говорили о Сталине, присоединив Западную Украину, он объединил народы Украины. Были ли репрессии после присоединения Западной Украины? Да были. Можно ли их оправдать? Нет. Но можно ли понять логику и действия Сталина и руководства страны в этом вопросе? Кто жил в те сложные времена, может понять. Большинство украинцев, проживавших на польской территории, с одобрением приняли присоединение к Украине. Но были, как всегда, и противники, они оказали жесткое сопротивление, объявили войну советской власти. Были террористические акты, были убийства партийных работников. И если вам говорят что это патриоты Украины, борцы за «самостійну Україну», - не верьте. Они боролись против советской власти и колхозного строя за себя, за свой надел земли, за свою собственность, которую заработали тяжким трудом; за благополучие своей семьи, за будущее своих детей. Им было что терять; и их тоже можно понять. Им неплохо жилось при буржуазном польском режиме и ни о каком украинском патриотизме речи быть не может. КГБ загребал и врагов и невинных; трудно было разобраться. Через два года «борцы за самостійну Україну» с радостью и надеждой приветствовали немцев во Львове, но у Гитлера были несколько иные планы и надежды не осуществились.

Когда мы уже жили в г. Ровно, в нашем 9 классе на первом ряду сидел тихий, спокойный, прилежный Нагорный Ярослав. Жил он рядом со школой в родительском собственном домике; мы часто бывали у них в гостях; очень приличная семья. Их депортировали в одну ночь. Ярослав вернулся в Ровно через 15 лет; получил образование техника – строителя в Сибири, и орден за примерную работу; я взял его к себе в СМУ мастером.

Это отступление; ... но вернёмся в 1939 год.

После освобождения Бессарабии, отца переводят в г. Рени (сейчас это Одесская область) на границу с Румынией. Самая юго – западная точка Украины. Это живописный уголок бессарабской земли, зелено-голубая жемчужина придунайского края на левом берегу Дуная.

В середине 1940 года отец перевозит нас к себе.

Насколько помню, теперь у нас отдельная двухкомнатная квартира в одноэтажном домике. Сосед по дому тоже военнослужащий и сын у него мой одноклассник. В то время Рени - захудалый провинциальный городишко. Многие из зажиточных горожан (в основном румыны) при подходе Красной армии ушли за Дунай в Румынию, бросив свои дома и своё барахло. В одном из таких домов мы и поселились. В придачу получили огромный рояль, который стоял посреди большой комнаты. Рояль был без одной (задней) ноги, которую заменяла табуретка. Отец оставил рояль - пусть Шура (моя мама) учится играть. Впервые получили отдельную квартиру, правда, никаких удобств, даже воды в доме нет. Воды вообще нет; воду развозит каждый день водовоз, мы набираем на сутки. Но, как думалось, жизнь налаживается, впереди светлое будущее. Вся страна пела:

«Широка страна моя родная.

Много в ней лесов, полей и рек.

Я другой такой страны не знаю,

Где так вольно дышит человек.»

Запомнилась огромная церковь в центре города, служба не правилась; и мы, дети военных, бегали вокруг этой церкви, пока не появлялся священник в рясе и не прогонял нас прочь. Уже сейчас я поинтересовался историей и судьбой этого храма. Это Свято – Вознесенский собор, золотой купол которого сегодня видно далеко за пределами города. Ренийский храм с прекрасными фресками созерцали выдающиеся исторические личности – болгарский князь Александр Батенберг в конце XIX века, король Румынии Фердинанд. Последний русский император Николай II, посетив храм в 1915 году с наследником престола, назвал Рени будущей второй Одессой, городом с большими перспективами.

Любимое для пацанов место – Дунай. Он в этом месте довольно широкий, едва просматривалась чужая страна на противоположном берегу – Румыния. В Рени базировалась

часть Дунайской флотилии и нам, мальчишкам, интересно было наблюдать за манёврами сторожевых катеров, и наших, и румынских.

Традиционно воскресными вечерами собирались гости – сослуживцы отца со своими женами. Заводили патефон. “Катюша”, “Ах эти чёрные глаза”, “В парке Чаир ...”, “Чому ж я не сокіл...” Я очень любил слушать украинские песни. И все любили украинские мелодии с чистым классическим украинским произношением, что на Полтавщине и на Кировоградщине. Дома родители разговаривали только на украинском языке.

Насколько помню, один лишь раз отец получил отпуск; это было в 1938 году и мы отправились на его родину, в с. Аджамку, Кировоградской области. Я первый раз попал в село, в настоящее украинское село.

Навкруги було чути чисту, як джерельна вода, українську мову, тиху і лагідну; і пісні... Ми жили в дідовій хаті - добротній, критій залізом, що в центрі села. Двір був обсажений акаціями, кущами бузка, квітами. П'янючі пахощі квітів входили у відчинене віконце і дурманили голову. Ввечері збирались брати і сестри батька і співали пісні... “Ой на горі тай женці жнуть...” Моя тітка Олена брала бандуру і заводила - “місяць на небі, зіроньки сяють, тихо поволі човен пливе ...” До речі, тітка Олена з своїм чоловіком Олексієм Степановичем проїхали від Кіровограда до Володивостока зі своєю бандурою і українськими піснями, за що їх КДБ звинуватив в націоналізмі. Олексій Степанович трохи посидів за ґратами, «порозумнішав»... покався... Але 28- річна тітка Олена красувалась в українському вбранні і з бандурою в руках на обкладинці журналу “Огонёк”.

Но вернёмся в нашу квартирку, что в Рени. Взрослые по вечерам собирались и вели разговоры. Мужчины непременно говорили о войне, ведь в Европе разгоралась война и эти люди имели прямое отношение к происходящим событиям.

Чувствовалась тревога в действиях родителей. Отец отправил тещу в Полтаву с задачей - купить какое – то жильё (у неё были деньги от продажи своего домика, где она прожила всю жизнь, на окраине Полтавы).

Мама ждала второго ребёнка.

Однажды вечером, в октябре 1940 года, меня срочно отправили ночевать к соседям. Вернувшись утром домой, я увидел, что мама лежит на кровати и рядом с ней свёрток – родился мой брат Юра. Мама рожала дома, видимо в то время в Рени не было роддома. Забота родителей, естественно, переключилась на малыша. Я особой радости не испытывал. Другое дело Генка, сосед по квартире. Его родители приобрели овчарку по кличке Дунай, что было предметом моей зависти. И гуляли мы втроём – я, Генка и Дунай.

Весной 1941 года через центр Рени в сторону границы проезжали грузовики. День и ночь шли колонны крытых тяжёлых машин. Что они везли, мы, мальчишки, не знали. В кабинах сидели люди в чужой военной форме. Вот тогда мы впервые увидели немцев. Как я узнал позже, - немцы вывозили своих поселенцев из Советского Союза в Германию. До войны оставалось несколько недель...

Война.

В начале июня 1941 года штаб дивизии перевели из Рени в Болград, отвели на 40 километров от границы. И в середине июня отец перевёз нас в город Болград, что стоит на берегу Ялнуга, крупнейшего пресноводного озера Украины. Основан город болгарскими переселенцами в 1821 году. По болгарски «Бол» изобилие, «Град» - город.

Погрузили самые необходимые вещи на грузовик, половина мебели осталась в Рени, и въехали в новый городок. Подъезжая к городу, отец сказал: - “Как только увидите самый красивый дом, - это наш”. Уж не помню какой это был дом, но знаю, что квартира была отдельная, т. е. не в коммуналке. Половина мебели, вместе с роялем, так и осталась в Рени.

Я узнал о начале войны не из репродуктора, я увидел её своими глазами в 4 часа утра, 22 июня 1941 года. 21 июня, в субботу, поздно вечером, отца по тревоге вызвали в часть. Обычное дело, всегда стоял наготове тревожный чемоданчик с самыми необходимыми вещами. Завтра воскресенье – выходной день.

Я проснулся от какого – то грохота. Мама сидела на подоконнике открытого настеж окна и что – то рассматривала. Первые лучи солнца вливались в комнату; самая короткая ночь в году. Я встал с постели и тоже подошел к окну. Раздалось несколько глухих взрывов и я увидел летящий самолёт на небольшой высоте; он что-то сбрасывал. Сначала оторвалось два предмета, потом ещё один, донёсся свист, потом несколько разрывов. Этот немецкий бомбардировщик и первую бомбёжку я запомнил на всю оставшуюся жизнь. На этом закончилось довоенное счастливое детство.

Как только закончился первый налет, в дом забежал отец: - «Шура, война! Полчаса на сборы, с собой только один чемодан, выходите на площадь» и убежал... на долгих четыре года.

По заранее разработанному мобилизационному плану, семьи военнослужащих офицеров эвакуировались в первую очередь. Уже через несколько часов после первой бомбёжки на площади выстроился небольшой обоз. В срочном порядке были мобилизованы местные мужчины, имеющие гужевой транспорт. У мамы на одной руке восьмимесячный Юра, в другой чемодан; я, с рюкзаком за плечами и чайником в руках. Нас рассаживали на телеги по несколько семей. Отца больше мы не видели до 1945 года.

Обоз с беженцами вытянулся из городка в направлении ближайшей железнодорожной станции. Задача перед возницами и сопровождающими состояла в том, чтобы посадить нас на ближайший поезд и отправить в тыл. Но ни станций, ни поездов мы не видели. Приграничные железнодорожные станции разбомбили в первые часы войны, рельсовые пути были выведены из строя, вагоны догорали, на колёсах стояли стальные каркасы. В районе пограничной полосы по Дунаю – Пруту немцы и румыны не смогли в первые дни войны прорвать оборону, им это удалось только 1 июля 1941 года, и это дало возможность нам уйти подальше от границы.

И здесь мне хочется рассказать об одном героическом эпизоде той войны, что связан с первыми боями «Чапаевской» дивизии в июне 1941 года.

Уже далеко после войны отец рассказывал мне, что дивизия приняла бой 22 июня с румынскими и немецкими войсками, удержала оборону, и более того, форсировала Дунай и какое то время воевала на захваченном плацдарме румынской территории, до приказа об отступлении; благодаря чему мы – отступающие гражданские не попали в плен и смогли благополучно эвакуироваться.

Это кажется невероятным на фоне того, что происходило в первые дни войны, когда большая часть советских войск в панике бежала от границы, бросая боевую технику и даже личное оружие; политработники при этом спарывали красные звезды с рукавов гимнастеров, а командиры – петлицы.

Что это была за дивизия, которая вместо того, чтобы отступать – перешла в наступление, переправившись на вражеский берег и вместе с другой, не менее прославленной, 51-й Перекопской стрелковой дивизией РККА, героически дралась в окружении. Причем, большей частью находясь на территории врага и, отбивая непрерывные атаки противника, отступила лишь по приказу вышестоящего командования. Этот эпизод войны мало кому известен, даже из воевавших. И только спустя 70 лет, благодаря интернету, я раскопал подробности той операции, о чем хочу поведать моим читателям.

Черное море с ночи было беспокойным, но затем утихло, и рыбаки одного из поселков Республики Болгария вышли в свой обычный рабочий рейс. В то утро августа 1958 года один из рыбаков выловил из воды покрытую слизью бутылку. В ней оказалась небольшая записка на русском языке. Когда её прочли, то содержание взволновало всех: люди узнали ещё об одной трагедии и героизме. Записка была передана в Советский Союз. Вот её содержание: «Июль 1941 г. Держались до последней капли крови. Группа Савинова. Три дня сдерживали наступление значительных сил противника, но в результате

ожесточенных боев под Килией в группе капитана Савинова осталось четыре человека: капитан, я, младший сержант Останов и солдат Омельков. Погибнем, но не сдадимся. Кровь за кровь, смерть за смерть!»

«По прибытию в Болград 25-я вместе с 51-й СД, занимавшей рубеж на левом фланге 25-й, вдоль Килийского гирла от Измаила до Черного моря, начали проводить занятия с личным составом по посадке - высадке и десантированию с судов Дунайской военно-морской флотилии. В субботу 21-го июня комдив вывел из казарм в г. Рени 31-й Пугачевский полк на батальонные учения по направлению к границе. 22 июня на рассвете казармы в Рени были разрушены огнем дальнобойных батарей противника из-за реки. Перед румынскими и немецкими частями ставилась задача: форсировать Прут и Дунай с задачей - оттеснить советские войска из треугольника Болград-Рени-Измаил, а при возможности отсечь их выходом на Татарбурнары и взять в окружение.

Противостояла 14-му СК все эти месяцы 4-я румынская армия в составе девяти дивизий, пограничные части и румынские ВМС, но их попытки переправиться через Прут и Дунай корпусом были сорваны. В расположении Дунайского УРа вражеским войскам также был нанесен серьезный урон. На рассвете 22-го лишь отдельным румынским частям удалось переправиться через Дунай. Но они сразу попали под прицельный артиллерийский огонь, а к концу дня подошедшими частями 25-й стрелковой дивизии румынские подразделения были разгромлены, при этом сдалось в плен до пятисот вражеских солдат и офицеров.

Уже с 23-го июня обе дивизии вместе с пограничными подразделениями начали проводить десантные операции, а 26-го июня 23-й СП 51-й СД на четырех бронекатерах и десяти пограничных катерах переправился через Килийское Гирло и занял Килию-Веке (Старая Килия), уничтожив до 200 солдат противника, захватив при этом 8 орудий, 30 пулеметов, до 1000 винтовок и 720 пленных. Подразделениями 287-го СП была взята Пардина. Кроме того, своими действиями десант сорвал артиллерийский обстрел Измаила с румынской стороны. Артиллерия 99-го ГАП Чапаевской дивизии поддерживала высадку десантов и в руках советских войск тогда оказался плацдарм протяженностью свыше 70 км от г. Рени до Черного моря. Во время его захвата некоторые части противника добровольно сдавались в плен.»

(Пограничные войска СССР в годы Второй мировой войны 1939-1945. М., Граница и др.)

Цитирую архивные документы.

«Утром 24 июня после артиллерийской подготовки в назначенной точке десант был высажен. В стремительном бою румынские войска на этом участке были разгромлены, взяты в плен 70 солдат и офицеров. Для развития успеха на захваченный плацдарм сразу был высажен один стрелковый батальон 51-й дивизии. Килийский берег был полностью очищен. С нашей стороны убитых не было, до 10 человек получили ранения. Советское командование немедленно решило развить достигнутый успех и приступило к подготовке высадки второго десанта. Отряд высадки — 4 бронекатера, 10 пограничных катеров. Командир высадки — командир Килийской группы кораблей капитан-лейтенант И. К. Кубышкин. Для артподдержки были выделены значительные силы артиллерии. Силы десанта — три батальона 23-го стрелкового полка.

Высадка основного десанта с 25 на 26 июня и дальнейшие действия на плацдарме. Бой по захвату Килия-Веке начался поздно вечером 25 июня. Ввиду малого количества кораблей десант высаживался поэшелонно, по 1 батальону в каждом эшелоне. Ночная атака оказалась внезапной для врага. Румыны заметили подход советских катеров слишком поздно. Несмотря на открытый артиллерийский огонь (повреждены два катера), десант сумел высадиться на румынский берег. Гарнизон организованного сопротивления оказать не смог, возникла паника. В ночном бою город был занят. К 10 часам утра 26 июня десант полностью овладел укрепленным районом и занял плацдарм глубиной до 3 километров и по фронту до 4 километров. Были разгромлены усиленный артиллерией пехотный батальон и погранзаства, противник потерял более 200 солдат и офицеров убитыми, около 500 (по другим данным 720) человек сдались в плен, захвачены 8 орудий, 30 пулеметов, свыше

тысячи винтовок. В этом бою десант потерял 5 человек убитыми, 7 ранеными. В течение суток 26 июня на румынском берегу катерами флотилии были высажены небольшие подразделения 51-й дивизии, занявшие важные в военном смысле поселки и острова, что позволило объединить оба плацдарма в один. В результате оба берега Килийского гирла от Килии в сторону моря до села Переправы (Румыния), протяженность около 40 километров, находились в руках советских войск. Поскольку общая обстановка на советско-германском фронте сложилась в пользу противника, рассчитывать на прибытие подкреплений и развитие наступления вглубь румынской территории было нельзя. Командир дивизии П.Г. Цирульников отдал приказ прочно удерживать занятый плацдарм и закрепиться на достигнутых рубежах. Для укрепления обороны в Килия-Веке было переправлено ещё несколько подразделений из Килийского гарнизона. При высадке десантов потери в кораблях отсутствовали. Затем при поддержке войск на плацдарме и их эвакуации флотилия потеряла 4 катера погибшими от огня вражеской артиллерии и 1 — от удара авиации. Первые попытки ликвидировать плацдарм были отбиты 27 и 29 июня. С 1 июля противник перешёл в наступление. Развернулись кровопролитные бои (особенно жестокие — 3, 4 и 6 июля). Всего были отбиты с значительными потерями 18 крупных атак румынских войск. Итоги операции - Дунайский десант стал первым советским десантом в годы Великой Отечественной войны. Обращает на себя внимание разумная инициатива советских командиров — по существу, десантную операцию провели три начальника: командующий флотилией контр-адмирал Н.О. Абрамов, командир дивизии генерал-майор П. Г. Цирульников и начальник 79-ого пограничного отряда г. Килии подполковник Грачев С. И. Вышестоящие командиры и штабы не вмешивались в высадку десантов, подключившись лишь позднее к решению вопросов по обороне и эвакуации плацдарма. Только когда румынско-немецкие войска, используя успехи на Украине, стали угрожать северному флангу и углубились в глубь страны, и Килия оказалась в глубоком тылу, только тогда, по приказу командования свыше, об эвакуации гарнизона из Килии, одна группа ушла на Днепр, вторая на оборону Одессы.

Эвакуация Килийского гарнизона проводилась поэтапно и в несколько этапов, только в ночное время, через плавни и канал Латышь к Черному морю, возле села Жебрияны (Приморское), потому что, Большой Дунай жестко контролировался авиацией и морскими силами противника. Важное значение в этом трудном переходе сыграл монитор "Железняков."

До 18 июля 1941, когда был получен приказ на отход, 25-я обороняла 120-км участок границы от Измаила до черноморского побережья, прикрывая отступление корпуса, ведь 51-я еще раньше получила приказ об отходе.»

И только в сентябре 2012 года в г. Килия был открыт памятник десантникам под названием «Операция Килия— Веке». Он был установлен на деньги военных офицеров пограничников (действующих и ветеранов).

Я не помню сколько мы ехали и как мы добрались до Полтавы. Но добрались, и думали, что мы теперь в глубоком тылу и недосыгаемы для немцев.

Нас поселили в коммунальной квартире большого дома; во дворе бомбоубежище. Моя бабка — Харетина жила где-то отдельно; не могу до сих пор понять, почему. Бомбили Полтаву ежедневно и по нескольку раз в день. Мешочек с продуктами и Юру на руки — задача мамы, я чайник с водой, и быстро в бомбоубежище. Я не видел, чтобы бомбы падали где-то рядом. Чаще всего воздушную тревогу объявляли по ночам. Репродуктор — тарелка был включен постоянно. Не всегда после объявления воздушной тревоги происходил реальный налёт, и если не слышались разрывы бомб, мы не покидали квартиры. Очень много хлопот было - разбудить и собрать маленького ребёнка, взять необходимые вещи и с двумя детьми бежать в бомбоубежище. Завывали сирены, шарили по небу прожекторы, а мы сидели подальше от окон, не включая освещения, соблюдая светомаскировку. Часто сирены тревоги заставляли

меня в магазине или в аптеке, куда посылала меня мама; доставлять хлеб было моей задачей. Нужно было долго выстоять в длинной очереди, где много чего можно было услышать. Рассказывали о наступлении немцев, о том что в одном или другом районе города поймали диверсанта. Вдруг завывали сирены и очередь распадалась, кто-то спешил в убежище, кто-то оставался, но торговля прекращалась. Тогда я мог наблюдать за действиями людей с красными повязками на рукавах и с противогазными сумками, которые организовывали в городе укрытие населения и дежурили на крышах домов на случай попадания зажигательных бомб.

Я не видел паники, всё казалось организованным и продуманным. Скоро закончится война и папа вернётся к нам.

Но всё тревожнее становилось в городе, завывая сиренами неслись санитарные машины, доставляя раненых в Полтавский госпиталь. Мы постоянно слушали сводки Совинформбюро. 17 июля Левитан бесстрастным и скорбным голосом объявил, что после жестоких, кровопролитных боёв Советские войска оставили город Смоленск... О дикторе советского радио Левитане стоит сказать пару слов. Голос его – это часть детских воспоминаний о войне. Вся страна ждала его сообщений – сводок Совинформбюро. Но какие бы печальне известия он не сообщал, его голос вселял уверенность в нашей победе.

В середине июля немцы вышли на правый берег Днепра и нависла угроза над Киевом. У мамы даже мысли не было остаться в оккупации. По радио постоянно рассказывали о зверствах немцев на оккупированных территориях. Семья красного командира, члена ВКП(б), не могла попасть к немцам, так, во всяком случае, думали мы. Мы знали номер полевой почты отца и он знал, что мы в Полтаве, но письма перестали приходить. Нужно было срочно эвакуироваться.

Единого плана эвакуации в масштабах страны не было. Слово «эвакуация» до войны означало пораженческие настроения и строить всякие планы на этот счёт Сталин запретил. По военной доктрине мы должны были воевать на чужой территории и малой кровью. И всё же...

Об эвакуации написано мало, и мало снято фильмов. Поэтому сегодняшнее поколение не знает что это такое. Такого масштабного перемещения производительных сил страны на тысячи километров в экстремальных условиях не было в мировой практике. Это возможно было осуществить только в условиях «сталинского режима». Только благодаря существовавшей государственной и политической системе, централизации власти и системы управления, строжайшей партийной дисциплине, был совершен беспрецедентный подвиг народа по перемещению миллионов людей, оборудования, более 2,5 тысяч предприятий, большого количества сельхозмашин, продовольствия в восточные районы страны, на Урал и дальше; организации производства вооружения в таком количестве, которое принесло нам победу. Потребовалось 30 тысяч железнодорожных составов, 1,5 миллиона вагонов. Уже в 1941-1942 годах рабочие эвакуированных предприятий вместе с местными жителями ввели в действие 1200 крупных промышленных предприятий, перебазированных с запада; в том числе ХТЗ и ХПЗ (ныне завод им. Малышева), которые были эвакуированы из Харькова. Только на Урал было эвакуировано около 600 промышленных предприятий. Вдумайтесь в эти цифры и вы поймёте каким потенциалом обладала страна Советов. Вот почему мы не легли под немцев, как это сделали Франция, Австрия, Бельгия, Голландия.

На восток было эвакуировано большинство вузов, киностудий, театров.

3 июля 1941 года из Москвы на восток было вывезено из мавзолея тело Ленина.

Вся страна спешила на восток. Горящие хлеба, урожай выдался большой; отары коров, овец гнали на восток, гнали до Тамбова, до глубокой осени.

Директорам заводов, не обеспечившим эвакуацию, давали от 10 до 15 лет лагерей; иначе нельзя было, иначе конец.

Более одного миллиона экспонатов Эрмитажа было вывезено в Свердловск.

22 июля были сброшены первые бомбы на Москву. 16 октября объявлено об эвакуации Москвы. В Куйбышев переводили министерства (наркоматы) и ведомства. Там же начали

строить бункер для Сталина, строго засекреченный объект (об этом стало известно только сейчас). Срок строительства был определён в три месяца. Это было уникальное по тем временам сооружение. Полностью автономное жизнеобеспечение всеми видами энергии и необходимыми ресурсами предполагало возможность находиться там несколько лет.

С июля 1941 года сводки совинформбюро Левитан передаёт уже из Свердловска; но об этом никто даже не догадывается, строжайшая государственная тайна. Гитлер считал Левитана злейшим врагом Рейха, за ним постоянно охотились спецслужбы вермахта.

Киностудии «Мосфильм», «Ленфильм», Киевская им. Довженка с 500 специалистами в области кино были эвакуированы в Алма-Ату. Актёров и режиссёров отозвали с фронта и дали бронь по поручению Сталина. А в самое тяжёлое для страны время, в начале 1942 года, на экраны вышел весёлый и знаменитый фильм Пырьева «Свинарка и пастух». Кинопередвижки повезли его на фронт. «В течение первых четырех военных месяцев во время воздушных налетов на Москву, наряду с ночными дежурствами на крышах своих домов, доснимался этот светлый, солнечный фильм. Сейчас тяжело вспоминать, но ведь самые первые сцены фильма — радостные встречи на сельхозвыставке: толпы посетителей, веселые знакомства - все это снималось под бомбежками. Приходилось прятаться в укрытия, работа продолжалась в две смены», — вспоминает Владимир Зельдин, актер, игравший одного из главных героев фильма. По указанию Сталина всем участникам съемок была предоставлена так называемая бронь — до окончания съемок никого не призывали на фронт. Работа над фильмом спасла жизнь Владимиру Зельдину. Все его товарищи по танковой школе погибли в первые месяцы

В марте 1942 года восточные районы страны выпускали военной продукции больше, чем вся страна в довоенные годы. Перевод народного хозяйства на военный лад занял примерно один год. С конца 1942 года военная промышленность начала давать фронту боевой техники и вооружений, боеприпасов и снаряжения больше, чем промышленность Германии.

На эвакуацию нужно было получить разрешение и эвакуационное удостоверение, но семьи военнослужащих офицерского состава эвакуировались в первую очередь.

Мамин родной брат Пётр, комиссованный по состоянию здоровья, жил с семьёй в райцентре Гадяче, Полтавской области. Мама просила помочь с эвакуацией и было решено уходить вместе. Бабка Харитина захотела остаться в Полтаве, решила, - будь, что будет.

Снова мама чемодан в одну руку, Юру на вторую руку и я, с чайником и харчами. Но доехать удалось только до Харькова; немцы повредили железнодорожный путь на восток. Харьковский вокзал и железнодорожную станцию я запомнил на всю жизнь. Мы сидели на полу огромного зала, забитого людьми. Ночь, освещения нет. Непрерывный плач детей и вой сирен, прерывистые постоянные гудки паровозов. Налёт за налётом, вокзал содрогается от разрывов бомб. В зашторенные окна пробиваются отблески от горящих составов и прожекторов.

Наступило утро и нам сообщили, что мы пока не можем уехать; нет поездов, разбиты железнодорожные пути. Нельзя переодеть малыша, сложности с туалетом. Очень хочется пить. Где-то набирают воду, но очень большая очередь и пройти сложно; люди сидят и лежат вплотную друг к другу. Из еды — мешочек с сухарями. Малыш постоянно плачет, хочет есть. Не знаю сколько прошло времени, наконец подают товарный состав для беженцев. Паника и давка. Военные и милиционеры пытаются навести порядок и посадить в первую очередь детей и женщин. Мы наконец попадаем в вагон. Теплушка оборудована двухъярусными широкими нарами. Мы на первом ярусе, занимаем одни нары, можно лежать. Вагон забит до отказа, люди сидят на полу. Мужчины дежурят у откатных дверей, они закрыли двери на щеколду. Снаружи барабанят в двери, просят впустить, больше некуда, ждём отправления. После нескольких часов ожидания в закрытом душном вагоне, мы, наконец, поехали.

Состав потащился на восток, можно открыть двери. Куда мы направляемся, никто толком не знает; останавливаемся, как говорят, возле каждого столба. Причин много, чаще всего

пропускаем воинские эшалоны, движущиеся на запад. Стоим по несколько часов и несколько дней в чистом поле, ожидая когда отремонтируют повреждённые после бомбёжки пути. Можно выйти, немного размяться, поискать воды. На станциях лучше не открывать двери – беженцы штурмуют вагоны, мужчины хотят отправить свои семьи в тыл. Но иногда приходится открыть двери, хочется набрать кипятку, попробовать купить хлеба. Запомнилось как несколько мужчин, которые ехали с нами, отбивались от штурмующих вагон. Кто – то кричал: “Спрячь свою пушку, у меня тоже такая есть”. Я спрашивал маму: “У них что есть пушка?”

За деньги ничего не хотят продавать. Предлагают продукты в обмен на золото, часы, другие драгоценности. Позже я узнал, что у мамы была золотая брошь с рубином – подарок отца. Она сохранила её до конца жизни, и сегодня она у Катюши – Юриной внучки.

Южный Урал.

Уже несколько недель мы в пути, позади Украина, позади Москва. Прекратились бомбёжки, мы приближаемся к Уралу. Мы голодные, а, главное, очень грязные, всё тело чешется, завелись вши. Пьём воду из любого источника. Много больных, у них высокая температура, некоторые теряют сознание.

Эшалон останавливают на подходах к Челябинску. В поезде эпидемия тифа, больных выносят на носилках и увозят в больницы. Все, кто держится на ногах, проходят санобработку. Наконец мы в бане. Все вещи в дезкамеру, производят дезинфекцию вагонов. Дальше помню Челябинскую больницу. Меня раздели до гола, забрали одежду, поставили под душ. Ноги ватные, в горле пересохло, весь горю. Несколько дней температура за 40, брюшной тиф. И провал...

Не знаю сколько времени я был в коме.

Мама потом рассказывала, что происходило. Ехать дальше из-за моей болезни она не могла. Её старший брат, Пётр, бросил маму в Челябинске и со своей семьёй бежал дальше; куда-то в Казахстан. Больше она его не видела и не переписывалась с ним.

В то время маме было всего лишь 29 лет. Чужой незнакомый город, никого из родных и близких; один сын в больнице, ни живой, ни мёртвый; второй, восьмимесячный, на руках; ни жилья, ни средств к существованию. Это было самое трудное для неё время. Позже она мне говорила: « Я думала, что же я скажу папе, если ты умрёшь?».

Она обратилась в военкомат и областной отдел народного образования; ей дали направление на работу в посёлок Увелька, Челябинской области.

Другого варианта не было, нужно было ехать. Но она, естественно, не могла меня оставить, пока я находился между жизнью и смертью. Как она в это время устраивалась, не знаю.

Я вышел из комы примерно через две недели после начала болезни. Ещё была высокая температура. Я не мог даже приподняться на постели, лежал и плохо соображал, что происходит вокруг. Это была большая палата, где лежало много людей, в том числе и несколько детей. Непривычная тишина, не бомбят, не завывают сирены и даже окна не заклеены бумажными лентами крест на крест, как будто и нет войны.

Через какое то время упала температура и я начал самостоятельно есть. Попробовал встать на пол, но ноги не держали. Я не мог ходить, я не мог стоять, но смерть обминула меня.

Мама должна была уехать в Увельку, начинались занятия в школе и она могла потерять работу.

Мы знали, что отец воюет на южном фронте. В начале июля месяца 1941 года немцы танковым ударом раскололи южный фронт на две части. Северная группировка отступала к Днепру, южная прикрыла подступы к Одессе. Отец, в составе 25 “Чапаевской” дивизии находился в Одесском укрепрайоне. Пока Одесса не была блокирована с суши, мы получили от отца несколько писем, мы узнали о нём, он знал о наших делах.

Я учился ходить. Держась одной рукой за кровати, я медленно переступал и двигался вдоль длинной палаты. Проходили дни, недели, мама не приезжала.

Около двух месяцев я пролежал в Челябинской больнице. Можно было выписываться.

Приехала мама и забрала меня в поселок Увельку (правильнее его называть Увельский).

Благодатные места – Южный Урал.

Несколько слов о Южном Урале.

Это уникальный край среди российских просторов; естественная географическая граница двух континентов – Европы и Азии.

Южный Урал потрясает своей уникальной природой. Чистейший воздух, пропитанный запахами растительности, прозрачные озера, сосновые и лиственные леса под сенью величественных горных вершин – все это на Южном Урале.

Географическое положение Южного Урала определило и многообразие природных условий, колеблющихся от полупустыни до настоящей арктической тундры. Древние Уральские горы невероятно богаты самыми разнообразными ландшафтами и подлинной жемчужиной является южная часть Урала, протянувшаяся с севера на юг между двух рек – Уфы и Урала. Именно здесь, на Южном Урале, можно встретить рядом все многообразие чудес природы Урала.

Чистые до хрустальности высокогорные озера центральной части гор соседствуют с огромными степными водоемами Зауралья. На Южном Урале можно встретить и горные реки и пустынные курумы – каменные языки, выступающие в окружающую степь. Богатая история России не прошла мимо Южного Урала. Именно здесь впервые поднималось горное дело, фактически обеспечившее ресурсами дальнейшее освоение сибирских просторов.

Природа Южного Урала позволяет с полным правом называть его российской Швейцарией.

Поселок Увелька – это самый юг ближнего Зауралья, в нескольких десятках километров от Северного Казахстана.

Увельский район расположен в водоразделе 3-х рек: Кабанка, Сухарыш, Увелька. На территории района находятся 95 крупных озер, множество мелких озер, кроме того, в районе имеются 20 озер с совершенно разным составом воды и дна.

И всё это поросло дремучими лесными борами, каждый из которых имеет своё название: - Кичигинский, Хомутининский и другие. Климат района — континентальный с резкими колебаниями температур.

Первые русские населенные пункты на Увельской земле впервые появились в середине XVIII века как военные поселения, вошедшие затем в состав Оренбургского казачьего войска. В 1748 году появилось первое поселение — станица Кичигинская, сейчас село Кичигино, а в 1749 году станица Нижнеувельская (ныне город Южноуральск) как центр увельского казачества с наказным атаманом во главе. Позднее, в 1758—1759 годах, закладываются казачьи станицы Хомутининская и Дуванкульская. В первой половине XIX столетия территория района стала заселяться крепостными крестьянами из Курской, Тамбовской, Пензенской и других губерний России.

Районный центр Увельского района основан в 1749 году как военная крепость, расположенная на берегу реки Увелька. Отсюда и название поселка.

Официальная дата образования района — 1924 год, тогда же и станица Увельская переименована в поселок, который и стал районным центром.

Итак, мы в Увельке.

Мама снимала одну комнату у хозяйки. Хозяйка топила русскую печь и во всём доме было тепло. Почти каждый день в этой печи она пекла хлеб и приятный запах этого хлеба был постоянно. Уже с первого года мама устроила Юру в детские ясли и это давало возможность ей работать, она преподавала математику в неполной средней школе. Получала деньги по отцовскому аттестату и этого хватало на скромное пропитание. Всё, в основном, покупала у хозяйки - хлеб, молоко, картошку. Молока она позволяла себе купить пол-литра в день и сначала давала Юре; он брал банку и ...мне уже редко что доставалось. Но пока был папин аттестат, мы всё же не голодали.

Когда я вышел из Челябинской больницы, занятия в школе уже начались, а мне исполнился восьмой год. По внешнему виду я был ходячий скелет, еле на ногах стоял. Читать и писать не

умел, но мать в тот же, 1941 год отправила меня в школу. Помню, как же трудно мне было поначалу. Я один был в классе из эвакуированных. Все крепкие деревенские мальчишки, знали друг друга давно, и я был среди них инородным телом. Кроме того, они уже немного научились что-то писать и читать.

Со временем немного освоился. Помогло вот что. У мамы был небольшой запас довоенных тетрадей, из хорошей лощеной бумаги. Вот я их потихоньку и таскал в школу без маминого разрешения, раздавал мальчишкам, пока не закончились. Бумага была в большом дефиците, писать приходилось даже на газетной бумаге, между строчек. От мамы досталось, но завоевал какой-то авторитет у пацанов.

Первая зима была самая тяжёлая и для страны и для нас.

У нас не было нормальной зимней одежды для уральских холодов. Мама закутывала Юру в платок и несла в детсад. Потом он ходил в каком то белом, совсем не зимнем, пальтишке, но не помню чтобы он когда-нибудь болел. Мне купила старые подшитые валенки. В деревню завезли несколько мешков шапок – будёновок, которые были сняты с вещевого довольствия армии в начале войны и их отправили в тыл для мирного населения. Выдавали эти будёновки школьникам. Мы копались в этих мешках, выбирая что-то подходящее. Многие были пробиты пулями и осколками, окровавленные, но были и хорошие; мне досталась нормальная, тёплая будёновка, которой я очень гордился.

Письма от отца не приходили. Немцы подошли к Москве, а Одесский гарнизон держал оборону и только 30 сентября ставка дала приказ войскам оставить Одессу. Особая Приморская армия, в которой воевал отец, была организованно переправлена на кораблях Черноморского флота на Крымский полуостров, где в последствии, и заняла оборону Севастополя.

Из краткой истории «Великая Отечественная война Советского Союза»:

«Одновременно с Киевским сражением развернулись бои в районе Одессы. На дальних подступах к городу они завязались еще в начале августа. 5 августа командующий Южным фронтом получил приказ Ставки на оборону Одессы.

Войска отдельной Приморской армии (две стрелковые дивизии и кавбригада) под натиском превосходящих сил врага вынуждены были к 10 августа отойти на ближние подступы к городу.

Еще до подхода противника к Одессе, командование военно-морской базы приняло меры для укрепления подступов к городу. Областная и городская партийные организации начали готовить к обороне население. По их призыву в строительстве оборонительных рубежей приняли участие до 100 тыс. человек. В результате к началу сентября город был опоясан сооружениями общей протяженностью свыше 250 км. В черте города имелись внутренние полосы обороны. Они предназначались для ведения боев в самой Одессе и для прикрытия возможного отхода и эвакуации ее последних защитников. Улицы города были перегорожены множеством баррикад.

После того, как к Одессе подошла Отдельная Приморская армия, боевые возможности войск, оборонявших город, значительно возросли. Совместными усилиями армия и флот должны были организовать непреодолимую оборону города. 8 августа Одесса была объявлена на осадном положении. В этот же день командование Черноморского флота сформировало из личного состава кораблей и частей два полка морской пехоты. В боях под Одессой сражалось 8 тысяч моряков. Рядом с воинами Красной армии и моряками Черноморского флота вела бои Одесская дивизия народного ополчения.

С 10 августа 4-я румынская армия, имевшая 18 дивизий и обладавшая пятикратным численным превосходством, предприняла неоднократные атаки, стремясь овладеть Одессой с ходу, но существенных успехов не добилась. Все последующие попытки врага разбивались о беспримерную стойкость защитников города. После 15 августа противник перешел от наступления по всему фронту к нанесению ударов на флангах. Советские войска ответили контрударами и сорвали планы фашистского командования.

19 августа из войск, оборонявших Одессу, был образован Одесский оборонительный

район. Возглавил оборону командир Одесской военно-морской базы адмирал Г. В. Жуков. Сухопутные войска Одесского оборонительного района насчитывали в это время 34500 бойцов и командиров.

20 августа противник возобновил штурм города. Ожесточенность боев нарастала с каждым днем. 24-25 августа врагу удалось продвинуться в восточном секторе, между лиманами Большой Аджалыкский и Хаджибейский на 4-8 км. В течение месяца Советские войска стойко отбивали яростные атаки румынских войск. Враг понес значительные потери и был остановлен в 8-15 км. от города. 22 сентября в результате встречного удара, нанесенного десантом из района Григорьевки и частями, наступавшими из района севернее Пересыпи, противник был отброшен на южном участке на 15 км., к Старой Дофиновке.

В боях под Одессой отличились целые части и подразделения. Мужественно и умело сражалась с врагом 25 «Чапаевская» дивизия генерала И. Е. Петрова...»

«К концу сентября осложнилось положение войск южного фронта. Противник, захвативший в начале месяца плацдарм на левом берегу Днепра, у Каховки, 9 сентября нанес с него сильный удар в сторону Крыма. Вскоре передовые части врага вышли к Перекопскому перешейку, а затем, к Чонгарскому мосту и Арабатской стрелке. Крым был отрезан от страны.. В конце сентября вражеские войска развили наступление на всем южном участке фронта и стремительно продвигались к Харькову, Донбассу, Ростову.

В связи с ухудшением обстановки на юге страны Ставка Верховного Главнокомандования 30 сентября разрешила эвакуировать Одесский оборонительный район. Эвакуация Одессы была проведена скрытно и исключительно организовано. В 9 часов утра 16 октября из порта вышел последний корабль. Разведывательные части врага лишь к вечеру прорвались в Одессу. Эвакуированные оттуда войска были направлены на усиление защиты Крымского полуострова. »

С этого времени наша связь с отцом на долго прервалась, мы ничего не знали о его судьбе.

О самом процессе учёбы в 1,2,3 классах я почти ничего не помню.

Первое время, мама где-то добывала тетрадки в косую линейку. Чернильница «невыливайка» и перо «Рондо» на деревянной ручке - основные принадлежности ученика того времени. Нас учили выводить каллиграфическим почерком буквы «с нажимом» там, где надо. В результате вырабатывался у многих очень красивый почерк. В 1942 году тетрадей уже не было и писали на чём только можно было.

С началом войны военный отдел Увельского райкома партии организовал обучение населения военному делу.

Государственный комитет обороны 17 сентября 1941 года принял постановление «О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР». К всеобучу без отрыва от производства привлекались мужчины в возрасте от 16 до 50 лет.

С третьего класса преподавали военное дело. Военная подготовка для мальчиков, сан. подготовка для девочек, ежедневно; программы по остальным предметам были сокращены.

Зимы на Урале суровые, но зима 1941 – 42 годов мне казалась особенно морозной. Были коньки - «снегурочки», привязывал их верёвками к валенкам. «Крутые» пацаны привязывали коньки-дутьши сыромятными ремнями. Достать ремень из сыромятной кожи было непросто, большой дефицит. Но и мне однажды повезло, к соседям приехали гости на санях и лошадь поставили во дворе. Уже темнело, я незаметно подкрался к запряженной кобыле и срезал ножом чересседельник. Вечером зашла соседка, пожаловалась, что кто-то срезал чересседельник и попросила у матери верёвку. Я затаился как мышь под метлой, обошлось. На следующий день мы с приятелем этот широкий ремень распустили ножом на шнурки. О лучших ремнях и мечтать нечего, на сыромятных ремнях коньки держались хорошо, особенно если их приморозить водой. Для этого нужно опустить на несколько секунд ногу в прорубь, одну, затем вторую, мороз мгновенно прихватывал коньки к валенкам. Нужно было ещё сделать крючок, срубив хорошую ветку, и этим крючком цепляться за проезжающие сани. Вот такие были наши забавы зимой.

В ноябре 1941 года немцев остановили под Москвой. Все внимательно следили за

событиями на фронте. По “тарелке” Левитан торжественным голосом объявил о первых победах наших войск под Москвой. Как же радовались все, когда узнали, что немцы были отброшены на несколько километров и были освобождены первые населённые пункты. Но самое тяжёлое время для всех нас было ещё впереди.

В начале 1942 года мы получили весточку от отца; он был жив и здоров и воевал в Крыму. Севастополь держал оборону. Отец писал бодрые письма, а мать с тревогой ждала известий с южного фронта.

В село приходили похоронки каждый день. Были мобилизованы все мужчины от 19 до 50 лет, в селе оставались бабы и дети.

В числе первых добровольцев, ушедших на фронт, был первый секретарь Увельского райкома партии В.П. Мальцев (погиб в бою под Сталинградом в 1943 году).

В октябре 1941 года по инициативе учителей Красносельской школы в нашем районе началось массовое движение за сбор теплых вещей для бойцов Красной Армии. Голодные люди собирали посылки, кто что мог и отправляли на фронт. Я привожу выдержки из местной газеты того времени (слава Интернету!):

«Учитель Бабкин сдал семь овчин, три килограмма шерсти и 127 рублей деньгами, учитель Титов - пять овчин, пару теплого белья и три полотенца, учительница Кутепова подарила бойцам теплый свитер, ею связанный, шерстяные перчатки, учитель Рыженков – теплое белье и 35 рублей деньгами, И.П. Лукин из колхоза имени Крупской сдал три овчины и мерлушку, его жена - 0,5 килограмма шерсти и двух жареных гусей.»

«Только за один год, с октября 1941 года по октябрь 1942 года труженики Увельского района собрали и отправили на фронт бойцам Красной армии пятсот полушубков, полторы тысячи пар валенок, 63 центнера шерсти, две тысячи пар шерстяных перчаток и много других теплых вещей.»

«Комсомолки колхоза имени Ворошилова Половинского сельского Совета отправили воинам на фронт новогодние подарки: Маруся Приходько - полотенце, бритвенный прибор, носовой платок; Клава Берещинова - носки, кисет с махоркой, носовой платок; Клава Ильенко - печенье и махорку. Десять колхозниц колхоза имени Ворошилова отправили на фронт подарки: пять пар шерстяных носков, пять пар шерстяных варежек, шесть пачек зубного порошка, две зубные щетки, 20 килограммов печенья, десять штук вареных яиц, четыре жареных курицы, одного жареного гуся, 15 килограммов вареного мяса и 117 рублей денег.»

Время было трудное, никто не ел досыта, но женщины отдавали последнее ради победы.

На протяжении всех лет войны поддерживалась связь тыла и фронта. Связью были письма. Для бойцов они были поддержкой и теплым словом, весточкой из дома.

«В письме на фронт бойцам Красной Армии колхозницы колхоза имени Ворошилова писали: Новогодний привет бойцам, командирам и политработникам нашей героической Красной Армии!

Мы, ваши сестры, матери, находясь в тылу, высылаем вам наши скромные подарки к Новому году. Этим мы хотим подтвердить, что фронт и тыл у нас едины, и ваши победы придают нам больше бодрости, энергии в работе. Мы даем обещание, что будем крепче овладевать военным делом, будем еще бдительнее, будем еще лучше готовиться к весеннему севу. Знайте, что мы всегда с вами! Честь и слава вам, доблестные защитники социалистической Родины».

С фронта приходили ответные письма - солдатские «треугольнички», полные тепла и ласки..

Женщины, усталые и полуголодные, ночами вязали для бойцов Красной Армии варежки и носки, порой плакали в подушку и молились за возвращение мужей и сыновей живыми домой, трудно привыкали к тяжелой непосильной работе, особенно 12 - 13- летние девочки, ждавшие домой с фронта своих отцов и братьев, стойко и мужественно переносили они приходившие казенные похоронки.

Весна на Урале наступает сразу и бурно. Морозы в 20-30 градусов в апреле сменяются тёплыми, солнечными днями, с шумом вскрывается река Увелька и пошел

ледоход. За несколько дней снег сходит и холода уже не возвращаются, а в июне наступает жаркое лето.

Лето 1942 года было засушливым. Урожая собрали, как никогда, мало, с продуктами стало совсем плохо, мы постоянно были голодными. В первую очередь нужно было накормить Юру. Он понемногу говорил и первыми его словами были: мама, мако (молоко), хеб (хлеб). Мама поздно приходила с работы, он её ждал в надежде что она принесёт хлеб, но хлеб был далеко не всегда. Зимой 1942 года ведро картошки стоило 400 рублей; мама получала 500 рублей, поллитра молока для Юры, это всё, что она могла позволить себе.

В дремучих уральских лесах было много грибов. Мать со мной никогда не ходила в лес, некогда было, и Юру не с кем было оставить. Ходили с пацанами, приносили корзины груздей и бабок. Далеко в чащу боялись забираться из-за дезертиров. Дезертиров в уральских лесах было много, в основном татары, калмыки, чеченцы. Однажды и мы с пацанами нарвались в лесу на чёрного, заросшего человека, он поднялся перед нами из кустов, метрах в двадцати, мы побросали свои корзины и бежали быстрее борзых. Думаю, он за нами не собирался гнаться. В поселке был военкомат, который организовывал облаву и, часто, результативно. Пойманных дезертиров приводили во двор военкомата, где они сидели ободранные, заросшие и голодные возле сарая на земле и мы через забор наблюдали за ними, а они просили еды.

С едой было совсем туго. Жаркое южноуральское лето позволяло выращивать арбузы и дыни, хотя они были меньшего размера, чем в соседнем Казахстане. С бахчи удавалось иногда украсть пару мелких арбузов. Опасно это было, сторожа постоянно жили в шалашах и стреляли солью. Обычно такие мелкие, недозревшие арбузы солили в бочке на зиму. Это был деликатес и на базаре можно было купить за 10 рублей небольшой малосольный арбуз. Учителям давали огороды и мы сажали картошку и огурцы. Мама солила огурцы и посылала меня продавать. Я стоял на улице и продавал – 5 рублей солёный, 3 рубля свежий огурец; люди покупали.

Всех школьников вместе с учителями посылали собирать колоски пшеницы и ржи после покоса урожая. Мы целый день под жарким солнцем собирали эти колоски. Вёлся строгий учёт, кто сколько собрал. Всем полагался бесплатный обед и с нетерпением его ждали, в середине дня нас кормили пшеничной кашей, ничего вкуснее я тогда не ел.

В начале лета 1942 года от отца перестали приходиться письма. На запросы мамы, пришёл ответ, что Запорожченко Анатолий Кириллович пропал без вести. Отобрали аттестат, по которому мы получали часть зарплаты отца. Стало совсем плохо.

В июле 1942 года, после почти годичной обороны, Севастополь был сдан немцам. Отец позже описал последние дни обороны Севастополя. Я привожу это описание полностью.

ПОСЛЕДНИЕ ДВА ДНЯ.

Второго июля 1942 г. мы, сводный отряд из разных частей и подразделений Приморской армии, оказались прижатыми к морю на участке между маяком и 35 батареей береговой обороны. Обороняться нечем, отходить дальше некуда. Впереди ожесточенный, взбешенный продолжительностью героической обороны наших войск, противник. Собираем остатки боеприпасов, разыскиваем патроны у раненных, лежащих в лощине возле моря.

Наша территория все уменьшается. Надо продержаться пока стемнеет, а затем выровнять площадку, для того чтобы мог приземлиться очередной Дуглас, который должен прилететь за ранеными. Сегодня он прилетел в последний раз. С большим трудом, так как установить какой либо порядок уже очень трудно, загрузили самолет тяжело ранеными. Что будет с остальными? На берегу лежат сотни раненых. Возле них две медицинские сестры, тоже выбившиеся из сил, но не

захотевшие сесть в самолет, отдав свои места раненым. Очевидно, их имена так и останутся неизвестными. Обе они 3 июля покончили с жизнью, сделав уколы друг другу. Они выполнили свой долг до конца.

Страшная жажда. Мы уже несколько суток без пресной воды. И еще хуже, что нет воды для раненых. Но удивительно, - почти никто не падает духом. Невдалеке два моряка заканчивают сооружение небольшого плота на камерах из автошин. Над ними смеются. Слышится чей – то голос: «уж больно хлипкий ваш корабль, но ничего, это все-таки лучше, чем пешиком по морю». Кто – то предложил им компас, говоря, что нам не нужен; нас поведут немцы, а вы без компаса можете к туркам попасть. С другой стороны слышится: «к туркам все же лучше, чем к фашистам.» И то верно.

Подбадриваем раненых, говоря, что за ними, еще придет пароход. Правда этому мало кто верит.

3 июля услышали по радио из Москвы о том, что наши войска, после продолжительной героической обороны, оставили Севастополь.

«Оставили Севастополь». Ведь, вопреки всему, высшие военачальники уже на «большой земле». Кажется, капитан последним покидает тонущий корабль; ну, а у нас получилось наоборот, - капитаны ушли первыми, а все остальные потонули. Этого еще мало. Их, этих последних, кто останется в живых, кое – кто будет называть предателями, сдавшимися в плен.

Ведь Одессу оставили в полнейшем порядке. Все, до единого солдата и матроса. Почему Севастополь не оставили? Почему пожертвовали целой армией? Наверное, сообщение о падении Севастополя надо было сформулировать как - то иначе. Ну, да в этом история разберется.

Наш острослов, Сурен, грузин по национальности, кричит радисту: «Передай Москва, что мы не оставил Севастополь, мы драться еще будем» и, вытащив из кармана камень, начал потрясать им в воздухе. А когда, уже 4 июля, мы шли в колонне как военнопленные, наш Сурен, увидел метрах в пятидесяти в воронке от снаряда воду, не выдержал, выбежал из колонны и, не добежав до воронки, был застрелен конвоиром.

К вечеру, 3 июля, немцы как будто ослабили обстрел нашего участка. Я предложил пробираться в расположение 35 батареи, там говорят, есть патроны. Взял двух красноармейцев; ползком и короткими перебежками мы добрались до батареи. В помещении батареи полно людей. Боеприпасов никаких, но оружия никто не бросает. Батарея сильно обстреливается артиллерийским огнем. Выходить опасно. Вдруг голос. Говорит какой то морской офицер: «товарищи освобождайте батарею, через десять минут будем подрывать». С другой стороны: «А куда пойдем? К немцам? Подрывайте вместе с нами».

Куда то пропали мои спутники, с которыми я пробрался сюда. Выхожу из батареи и направляюсь обратно на наш участок. Местность ровная, но сплошь изрыта воронками от снарядов и бомб. Ползком и вполурост передвигаюсь от воронки к воронке. Немцы усиливают обстрел, пули свистят мимо меня. Впереди какой то блиндаж. Еще бросок, и я в блиндаже. Блиндаж это или просто землянка, вкопанная в землю на полметра, покрыта в один накат тонкими бревнами. Когда я вбежал в блиндаж, передо мной встал младший командир, взяв под козырек, сказал: «Садитесь товарищ капитан, вот в сторонке, за дверью». Сам сел на нарах напротив двери. В блиндаже находилось пять человек, из них двое раненых. Все с

оружием, но без патронов. Невдалеке разрывается снаряд, затем второй, у самой двери нашей землянки. Сначала зазвенело в ушах, и я оглох. По левой руке потекла кровь. Ничего не вижу, так как глаза засыпало землей. Через несколько секунд слышу голос: «Все ли живы». Значит, не совсем оглох. Когда пыль рассеялась, мы увидели младшего командира, который уступил мне место за дверью, - он был мертвый. Осколок попал в грудь в область сердца. Мне же осколком камней поцарапало левую руку. У меня промелькнула мысль о том, что младший командир своей смертью спас меня. Когда я вбежал в блиндаж, мог сесть там, где он погиб, но он уступил мне свое место за дверью.

Не знаю его имени. Вечная ему память.

Вспомнился еще один случай под Одессой. В поселке Петровском немцы произвели артиллерийский налет по двору, в котором находился я со своим хозяйством. Посреди двора была вырыта щель, в которую мы и бросились, чтобы укрыться от артиллерийского огня. Все уже вскочили в щель, кроме меня и одного красноармейца. Я бежал последним. Возле щели красноармеец приостановился и толкнул меня в щель. В следующую секунду прямо возле щели разорвался снаряд. Красноармеец, толкнувший меня в щель, вскочить сам не успел и был смертельно ранен. Ведь это вместо меня.

С наступлением темноты предлагаю выбираться из блиндажа к морю, тем более что раненые могут передвигаться. Немцы простреливают нашу территорию трассирующими пулями. Хорошо видно, как они летят цепочкой. Хотя мы уже не оказываем никакого сопротивления, враг, очевидно, боится ночью подходить к морю на нашем участке. Да и спешить ему уже некуда – мы в капкане. Подхожу к берегу. Возле стоящего здесь прищепе лежит старший лейтенант с простреленным виском; рядом пистолет без патронов. Этот уже нашел выход. Так сделали многие в эти тяжелые дни.

В мое отсутствие немецкие самолеты опять заходили со стороны моря и обстреливали наших людей, находившихся под скалами. Несколько человек ранены. Моряки, соорудившие плот, поплыли на нем когда еще было светло. Видели, как вражеский самолет обстрелял их.

В тяжелейшем положении раненые. Что будет с ними? Несмотря на то, что двое суток во рту не было никакой еды, есть не хочется. Вот воды хотя бы глоток. У меня на зубах трещит песок, уши забиты пылью после разрыва снаряда у блиндажа. Подхожу к морю, чтобы немного помыться. Рядом много трупов. Мы их сбрасывали в море, но море их возвращало обратно. Очевидно, надо было привязывать к ним камни и таким образом хоронить в море, иначе волны выбрасывали их на берег. Раздеваюсь до пояса, и в это время ко мне подходит интендант второго ранга Подрыга, один из работников финансового отдела Приморской армии. «Ты, говорит, до сих пор автомат на себе тащишь». И я, подумав о том, что его действительно давно надо выбросить, швырнул его в море. Помылся, и стало немного легче. Присели с Подрыгой под скалой. «Так что делать будем? - спрашивает он, что думаешь? Пароход за нами не придет. Конеч. «Почему конеч? - говорю, оказаться в плену это еще не конеч. А другого выхода у нас нет. Пусть расстреляют, но сам стреляться не буду. Авось успею еще плюнуть в рожу фашисту. Да и нечем, - вот пустой ТТ, патроны автоматчикам отдал и не оставил себе». Смотрю, Подрыга вынимает из заднего кармана брюк небольшой Браунинг, «Вот у меня есть». Голос у него какой-то глухой стал, совсем вдруг изменился. Снимает фуражку и подносит пистолет к виску. Рука у него сильно дрожит. Хватаю его за руку с пистолетом. Он

молчит. Вырываю пистолет и бросаю в море. «Нет, это не конец. Нас здесь не двое, а тысячи, и застрелиться все не могут. Придется разделить участь со всеми» Коротка в июле ночь. Близится рассвет. Вдруг на море, в сотне метров от берега, показывается небольшой катер. К нему навстречу бросились вплавь десятки человек. С катера матрос что - то кричал. Мы поднялись и тоже вошли в воду. Но из этого ничего не получится. Столько людей плывут к нему; его просто могут перевернуть и затопить. Остановить людей не удалось. С катера увидели угрожающую им опасность. Не приняв ни одного человека, катер развернулся и ушел. Так мы и не узнали, зачем он подходил, кого хотел взять.

Когда совсем стало светло, справа и слева нашего участка, к обрывам подошли немецкие танки. Надо уничтожить документы. Кроме своих, у меня были документы некоторых погибших, и в частности того младшего командира, погибшего в блиндаже. Сжечь нечем. В кармане были спички, но они намокли, когда входили в воду навстречу катеру. Пришлось разорвать все на мелкие кусочки. Полученную мною в марте месяце медаль «За боевые заслуги» выбросил в море. Кажется все. Но оказалось не все. Как я выпустил из вида? В кармане гимнастерки у меня была круглая печать дивизии для хозяйственных документов, в металлической коробочке. Не хотелось чтобы такой трофеей попал в руки немцу. Её - то и обнаружил немец, обыскивающий меня. Вынув из кармана коробочку, он посмотрел и спрашивает: «Штамп?». Я кивнул головой и показал в сторону моря. Очевидно, он понял, чего я хочу, и выбросил её в море. Его большие заинтересовали мои сапоги, которые мне пришлось здесь же снять.

Мы в плену. Хотелось только пить, но удалось только вечером зачерпнуть каской из лужи воды вместе с грязью, и выпить.

Мало написано теми, кто прошел горнило фашистских лагерей. Трудно об этом рассказывать. Но нам повезло. Во первых потому, что в декабре месяце нас, более 2000 офицеров, в том числе много «Чапаевцев», в основном воевавших в Крыму, немцы передали вдруг в Румынию. Это было в Ченстохове. И это было спасение. Во - вторых, нам после 23 августа 1944 года удалось получить оружие и отомстить врагу в боях за Будапешт. После освобождения Румынии мы были направлены в полк резерва офицерского состава 2 Украинского фронта, а затем участвовали в штурме Будапешта.

Много Чапаевцев пали смертью храбрых в жестоких уличных боях в Будапеште. После того, как мы очистили от врага район Пешта, нас кружным путем перебросили в Буду, где 3 февраля, 1945 года я был тяжело ранен.

Бывший капитан 25 Краснознаменной ордена Ленина дивизии им. В.И. Чапаева
А. К. Запорожченко.

Закончилось засушливое неурожайное лето 1942 года и наступила холодная и голодная зима.

Нам выделили комнату в кирпичном доме, где мы жили вместе с ещё одной молодой учительницей, тоже беженкой. Мама спала с Юрой на одной кровати, учительница на второй, я на большой русской печи. Нужно было самим ежедневно топить печь. Проблема – дрова и спички.

Вокруг Увельки леса, - красота неопишуемая. В нашей школе, где работала мама, была на хозяйстве старая кобыла, которую поочерёдно снаряжали для завозки дров учителям. Но завозить нужно было самим, мужиков в школе не было. Запрягли нам в сани ту кобылу и поехали мы с мамой за дровами. Молодая городская училка в первый раз управляла лошадью. Не зная толком дороги, мы по целине всё же выехали к лесу. С топором я уже умел

управляться. Загрузились под завязку; сами шли рядом по колена в снегу. Кобылка с трудом тащила сани, всё время останавливаясь; потом пару раз дёрнула и легла на передние ноги. Мы тянули за вожжи, пытались подтолкнуть сани; мама гладила лошадь и уговаривала, ничего не помогало. Я подошел поближе к лошадиной голове и увидел как крупные слёзы катятся из её глаз; лошадь плакала. Наступали сумерки и мама сказала: «Давай сбрасывать дрова». Мы сбросили половину дров. Мама подошла к лошади, достала кусочек хлеба и одну картошку; которые она, в отличие от меня, не съела, а приберегла на всякий случай. Лошадь взяла губами хлеб и слёзы перестали бежать из глаз. «Ну вставай, пожалуйста, я тебе отдам и картошку», - уговаривала мама. Я натянул вожжи и лошадь встала. Не помню в деталях, как мы добрались до дома, но часть дров привезли. Спасибо той старой кобыле.

Со спичками было хуже, вернее, спичек вообще не было. Нужно было постоянно поддерживать огонь в русской печи; рассчитывать так, чтобы на утро в печи тлели угольки. Утром можно подбросить хворосту и раздуть огонь. Но если уж случилось так, что огонь погас, его нужно было найти у соседей. Я выходил на улицу с железным совком и смотрел на трубы. В ближайшем доме просил углей и мигом домой; мама должна успеть до школы приготовить завтрак.

В ту зиму мы голодали сильно. Помню в поселке стояло небольшое подразделение старых солдат, они собирали и отправляли продукты на фронт. Забирали всё колхозное и с подворья крестьян. Никто не роптал, все понимали – всё для фронта, всё для победы.

Мы переживали самое тяжёлое для страны время.

Мама приходила с работы поздно. Я должен был к её приходу забрать Юру с детского сада и начистить картошки. При керосиновой лампе я сидел и чистил, мелкую как горох, картошку. Кожуру выбрасывать нельзя, мама сушила её и складывала в мешочек, потом она варила из неё суп.

Вечером приходила мама, варила картошку и давала нам с Юрой по кусочку чёрного горького хлеба - добавляли какую-то траву. На базаре можно было за большие деньги купить кусок замороженного молока и солёные арбузы.

Но однажды мне удалось почувствовать запах жареной колбасы. Наша молодая сожительница привела как то военного офицера, не знаю как он оказался в нашем поселке. Мама уложила нас спать и ушла на ночь к соседям, а офицер извлёк из вещьмешка колбасу и начали они её с подругой жарить на сковородке. Я уснул под запахи той колбасы и был сыт прекрасными сновидениями.

Летом было проще, в лесу ягоды, грибы, щавель и крапива.

Нас нужно было не только накормить, но помыть и одеть. Мыла не было, но хорошая баня была у соседей. Часто мыться возможности не было, но раз в месяц мама устраивала для нас баню, которую она арендовала на вечер.

Мы приносили свои дрова, несколько часов топили почёрному и потом по очереди парились с веником. Уральская деревенская баня – удовольствие незабываемое.

К лету 1943 года в войне наметился перелом. Разгром немцев под Сталинградом, победа на Курской дуге, началось освобождение Украины. В конце августа 1943 года Красная армия вступила на северную Украину. С тяжелейшими боями войска продвигались к Днепру. Основания для наступления были весомыми – к тому времени мы превосходили противника как в живой силе, так и по основным видам вооружения. Мы сделали невозможное. Бабы и пацаны, в основном, обеспечили фронт всем необходимым. Это они, дети войны, по двенадцать часов стояли у станков, падали с ног от усталости и голода, ночевали в цехах, но сотни эшелонов с танками непрерывно тянулись от Челябинска к фронту.

В начале войны в Челябинскую область было эвакуировано свыше 200 промышленных предприятий. Еще 35 крупных предприятий было построено. В их числе металлургический и трубопрокатный заводы в Челябинске. Магнитогорский металлургический комбинат возвел новые домны и мартеновские печи, освоил производство листовой брони.

В тяжелейших условиях, по колено в снегу, люди разгружали оборудование, строили корпуса, выпускали первую продукцию – подчас под открытым небом. К станкам вставляли женщины, старики, дети. Они работали по 12-16 часов в сутки, осваивали сложное оборудование, собирали замерзшими пальцами снаряды и патроны, танки и «катюши».

Во время войны именно здесь в Челябинске, а не в Москве, был создан и работал Народный комиссариат танковой промышленности. Это единственный случай. Этот наркомат располагался в центре города. Первым наркомом (министром) был Вячеслав Александрович Малышев. Малышева в шутку называли "Князем танкоградским". Это прозвище чрезвычайно нравилось Сталину, он Малышева очевидно ценил.

Ни на один день не останавливая работу, Челябинский тракторный завод перешел на выпуск танков, а сам Челябинск получил второе название – Танкоград.

Завод на 100% работал на оборону. В то время в СССР танки производили два завода: Кировский в Ленинграде и в Харькове, они оба оказались сразу же в зоне удара немецкой авиации. Кировский эвакуируют в Челябинск, а Харьковский на Уралвагонзавод в Нижний Тагил. Кроме двух уральских заводов делали легкие танки в Горьком на автозаводе. Немного танков выпускали в Свердловске и Омске. Но ЧТЗ был главным танковым заводом страны. Сначала выпускали только тяжелые танки, а с августа 1942 года с конвейера пошли знаменитые "тридцатьчетверки". Этот танк признан одним из лучших в мире.

На каждом втором танке, выпущенном в стране, стоял двигатель из «Тангограда». Более 50 тысяч танков были «одеты» в магнитогорскую броню и каждый третий снаряд, выпущенный по врагу, был изготовлен из магнитогорского металла. Горькая жизненная ирония: «благодаря» войне уже в 1943 году Челябинск неофициально стал миллионным городом.

Война изменила жизнь детей. Многие учителя ушли на фронт, в Челябинской области здания 60 школ были переданы под госпитали, рабочие общежития, эвакуированные предприятия, воинские части. Учебная площадь сократилась вдвое, поэтому занимались в три – четыре смены. Увеличился отсев учащихся. Несмотря на все трудности военного времени в области стремились выполнять закон о всеобщем обязательном обучении и за годы войны по области было открыто 118 новых школ.

В свободное от уроков время ребята оказывали помощь фронту. 413 тысяч школьников трудились на полях совхозов и колхозов, в городах ребята собирали металлолом, шили одежду, давали концерты, дежурили в госпиталях, писали письма фронтовикам, разгружали вагоны, очищали железнодорожные пути от снега, создавали тимуровские команды. В 1942-43 учебном году в области действовало более 3 тысяч тимуровских команд.

Многие подростки во время войны не закончили среднюю школу: работали на производстве, другие были мобилизованы в учебные заведения Государственной системы трудовых резервов. Уже в первые месяцы войны в область было эвакуировано 99 учебных заведений и более 7 тысяч воспитанников системы трудовых резервов. В 1943 г. для подростков, работающих на промышленных предприятиях, было открыто 47 школ рабочей молодежи. Ведь только на Челябинском танковом заводе работало более 5 тысяч подростков. Их рабочий день составлял 10-12 часов в сутки. Имена многих знала вся страна, об их труде писали газеты, слагали стихи и песни, среди них Вася Гусев – 15-летний токарь челябинского танкового завода.

Ребята не только помогали взрослым в тылу, но и убегали на фронт и становились сынами полков. Судьбы многих этих мальчишек до сих пор неизвестны.

Вклад в дело победы над врагом, Урала, и в частности Челябинской области, огромный.

С лета 1943 года Красная Армия решительно наступала; мы к тому времени уже имели явный перевес в боевой технике и живой силе.

2 сентября освобождены Сумы, 8 сентября Донецк, 23 сентября Полтава и Советские войска вышли к Днепру. Как известно, 6 ноября был освобождён Киев.

Мы начали поговаривать о возвращении в Полтаву. Но прошёл еще почти год, ещё одна зима, прежде чем мы смогли вернуться в Полтаву.

Весной 1944 года мы сели в Челябинске в пассажирский поезд и снова проехали тот же путь, что и в 1941 году, но в более комфортных условиях. Мы ехали в общем вагоне настоящего пассажирского поезда и можно было смотреть в окно, пить воду; к тому же, мама напекла кусочки тыквы, сладкие, как конфеты. Юре было три года, но конфет он в своей жизни ещё не видел. Ехали долго; пропускали воинские эшелоны с ранеными на восток и с боевой техникой – на запад. Проехали Москву. За окном поля сражений: разрушенные железнодорожные станции, на путях железные остовы вагонов, в полях – противотанковые рвы, окопы, сгоревшие танки и орудия. Мы подъезжаем к Полтаве. Вокзала нет и города нет – сплошные развалины.

Полтава. Авиабазы особого назначения.

Города не было. Стояли сгоревшие остовы многоэтажных жилых и общественных зданий. Немцы, отступая, сожгли город полностью. Более разрушенный был, может быть, только Сталинград. Однако в центре города уцелело несколько одноэтажных домов. На центральной улице, Октябрьской, в одноэтажном здании разместили кинотеатр; при немцах это была конюшня. В выходящей на центральную улицу, Комсомольской, одноэтажный домик на несколько квартир, где моя бабушка (по матери) в 1940 году купила однокомнатную квартирку и пережила в ней немецкую оккупацию. Видно только бабкиными молитвами сохранился этот дом. В квартире была одна небольшая комнатка, оконце из которой упиралось в стену разрушенного дома, там всегда было темно; и кухонька, такая же тёмная. Во дворе стоял общий деревянный туалет, по-моему, им пользовалась вся улица.

Города не было, но люди жили. Люди жили в подвалах домов и на окраинах города. Но парк в центре города сохранился полностью. Это, так называемый, «Корпусный сад», любимое место всех полтавчан. В него упиралась улица Октябрьская, в конце которой когда-то располагались кадетские корпуса. В Корпусном саду росло много фруктовых деревьев, а в центре стояла мраморная колонна с раскинувшим крылья, позолоченным орлом наверху. Этот памятник воздвиг Пётр – I в честь победы над Шведами в Полтавской битве.

Наступало лето 1944 года. Никаких вестей об отце не было, пропал без вести, и всё. Отцовского аттестата нас лишили. Бабка моя зарабатывала себе (и нам) на хлеб продажей штанов на базаре. У неё была зингеровская швейная машинка и она умела шить мужские штаны. Где – то покупала она хлопчатобумажную ткань («рубчик») и каждый день шила по паре штанов, а в воскресенье выносила свой товар на базар. И штаны покупали «на расхват». Магазины то не работали.

В то время мне было десять с половиной лет и перешёл я в 4-й класс, продолжались школьные каникулы. Главным занятием было – лазить по развалинам домов. Стояли стены, но перекрытий не было, кое – где сохранились железобетонные лестницы, на стенах висели радиаторы отопления. Мы искали в развалинах разную домашнюю утварь. Иногда что – то удавалось найти.

Теперь я хочу рассказать об одном интересном факте Отечественной войны. Я расскажу эту историю, так как она запомнилась мне, 11 – летнему пацану и расскажу то, что я узнал совсем недавно.

Вскоре после нашего возвращения в Полтаву, на полтавских улицах, и особенно в Корпусном саду, по вечерам стали появляться американские военные. Мы знали, что это американские лётчики, они ездили на открытых джипах и ходили пешком.

Американцы были стройные и элегантные, они носили лёгкую, светлозелёную форму – пилотки, короткие куртки, брюки на выпуск, и ботинки. Мы же привыкли к галифе, обмоткам или кирзачам, шинелям по щиколотки. Мальчишки каждый раз окружали лётчиков плотным кольцом и выпрашивали жвачку, шоколад, сигареты. Мне мало что доставалось, но я впервые увидел сигареты с верблюдом под пальмой и попробовал их вкус, попробовал и жвачку, шоколада мне не доставалось. Обычно мальчишки обменивали звёздочки и какие – то довоенные значки на жвачку. Но чаще всего зарабатывали честным трудом. Некоторые ребята постарше имели своё дело и свои места. Они чистили сапоги и ботинки военным возле кинотеатра и Корпусного сада и были всегда при деньгах. Они носили на ремне через плечо свои ящики с гуталином и длинноволосыми щётками и пользовались огромным авторитетом среди пацанов. Эту работу ребята освоили во время немецкой оккупации; чистили сапоги немецким офицерам, теперь американским лётчикам. И получали за это вознаграждение. Они курили американские сигареты и продавали их. Они иногда продавали и американский шоколад, но такие вещи стоили бешеных денег. Но недолго «царствовали» эти пацаны на Полтавских улицах. Появились серьёзные конкуренты – безногие солдаты, которые выписались из госпиталей. А что делать дальше? Многие просто просили милостыню и тут же её пропивали. А кто не сломался, устоял, пытались найти какую то работу. Чистильщик сапог – самая подходящая для них работа. Низкие самодельные тележки на шарикодшипниках, две деревянные «толчки» и сильные руки. Идеальная поза для чистильщика обуви. Победители..., они чистили сапоги американцам.

У меня был более скромный “бизнес”. Я покупал несколько газет большого размера в киоске и продавал их на рынке по пять рублей за штуку. Торговки покупали эти газеты, чтобы заворачивать продукты. И там же за пять рублей можно было купить пирожок с картошкой. Параллельно я продавал на том же рынке и холодную воду. У меня был большой медный чайник и кружка. Я набирал воду в городской колонке и нёс на рынок. “Кому холодной воды, кому холодной воды?” За кружку один рубль.

Часто ранним утром мы слышали гул летящих на запад американских бомбардировщиков. Их было много. И что было странным, они возвращались на аэродром на следующий день, вечером. Я никак не мог понять что происходит, ведь до Германии лёта всего 5-6 часов.

Буквально этими днями (через 60 лет) мне многое стало ясно.

На телевизионном канале СТБ я люблю смотреть хронику прошлых лет.

Я включил канал вечером 22 мая, 2006 года и вернулся в своё военное детство. Я увидел американских солдат в окружении мальчишек 10 – 14 лет, одетых в какую то серую безразмерную одежду, они смотрели в камеру, кто то серьёзно, кто то смеялся. Всё это на фоне развалин. Чувствовалось, что съёмка велась любительской камерой. Может быть и я там был, все мы были похожи друг на друга. Я посмотрел в программу, сюжет назывался: “Сквозной удар. Авиабазы особого назначения”.

В мае 1944 года фронт проходил через Западную Украину, Белоруссию, страны Прибалтики и Ленинградскую область. Ожесточённые, кровопролитные бои велись ещё на Советской территории. Второй фронт открыт не был. Промышленность стран восточной Европы – Венгрии, Чехословакии, Румынии, Польши продолжала работать на Вермахт. Румыния поставляла немецкой армии и промышленности нефть, бензин, солярку.

Но Германию и её союзников уже активно бомбила авиация США. Наши лёгкие бомбардировщики, в основном, выполняли тактические задачи в линии фронта по обеспечению боевых действий войск. Американцы же располагали мощными на то время стратегическими бомбардировщиками дальнего действия. Им ставилась задача подавить военно – промышленный потенциал Германии и её союзников.

Большая часть американской бомбардировочной авиации базировалась в Англии. Для более эффективной её работы нужно было организовать челночный метод. Совместным командованием было принято решение об оборудовании подходящего аэродрома на территории Украины. Для этой цели была выбрана Полтава. Весной 1944 года за короткий срок военный полтавский аэродром был подготовлен для базирования 120 американских

бомбардировщиков В – 17 (летающая крепость). Они брали на борт до 8 тонн бомб, 13 крупнокалиберных пулемётов защищали от нападения истребителей.

В начале июня американская авиация с аэродромов Англии совершила налёт и разбомбила очень крупный военный завод в Венгрии. Немецкие истребители с территории Германии поднялись на перехват В – 17, но не обнаружили их. Бомбардировщики исчезли. А всё было просто: янки, отбомбившись, не летели в Англию, а летели на восток и садились за линией нашего фронта под Полтавой. Они благополучно приземлились на полтавской авиабазе и американцы праздновали победу. То была, так называемая «треугольная миссия» - американцы летали по треугольнику Полтава – Италия – Англия – Полтава и бомбили немцев по дороге.

Дело американских лётчиков было только летать и бомбить. Всю наземную работу по обслуживанию техники и загрузки самолётов авиабомбами выполняли наши техники и солдаты. Они быстро освоили эту работу. Питанием, стиркой и прочим обслуживанием занимались наши женщины. Они же развлекали художественной самодеятельностью и всем остальным. Вооружившись фото- и кинокамерами, американцы отправлялись в город. Хотя в городе, кроме корпусного сада, и погулять то негде было. Они впервые видели такой разрушенный город и таких бедных людей. Всё это у них вызывало и удивление и уважение. Ведь мы побеждали. Всё, что видели, американцы снимали на любительские кинокамеры. Благодаря этому наш телевизионный канал сейчас смог показать хронику, реальные события тех дней. Конечно снимать всё, что касалось базы строго запрещалось. За этим следила армейская контрразведка – СМЕРШ (смерть шпионам).

Авиабаза была засекречена, насколько это было возможно, и немцы какое – то время не могли понять куда деваются самолёты, вылетающие с английских аэродромов. А американцы продолжали успешно бомбить промышленные объекты Германии и её союзников. Очередным налётом на г. Плоешти, что в Румынии, был разрушен полностью крупнейший нефтеперерабатывающий завод; разбомбили нефтебазу и аэродром в Фокшанах, наносили удары по заводам Рура.

Перед Герингом стояла задача нейтрализовать американскую бомбардировочную авиацию, для этого сил у Германии пока хватало. Немцы искали челночный аэродром.

В очередной налёт на Германию, был сбит один В-17, немцы нашли полётные карты и другие документы, им всё стало ясно. Перед немецкими ВВС была поставлена задача - уничтожить Полтавскую авиабазу. Они тщательно начали готовиться к этой операции. Сбивать В – 17 в воздухе было сложно. При перелёте линии фронта с нашей стороны, их сопровождали советские истребители. При перелёте над Францией и Бельгией, встречали английские истребители. Да и собственное вооружение было неслабое.

21 июня 1944 года 79 американских бомбардировщиков возвращались после успешной работы на Полтавскую авиабазу. Буквально у них на хвосте висела германская «рама» – самолёт разведчик. Я своими глазами видел эту «раму» - двухфюзеляжный самолет. Он прошёл на не очень большой высоте над нашим домом. Это было около 20 часов, совсем светло. Оознавательных знаков не было, но мы свободно узнавали немецкие самолёты. «Рама» развернулась над базой и улетела на запад. Наши зенитки почему то молчали, в воздухе её никто не атаковал.

Американцы после удачной работы отужинали и пошли на концерт художественной самодеятельности, а после спать в свой палаточный городок, что находился неподалеку от лётного поля. Наши солдатики принялись за обслуживание самолётов.

Около 21 часа, с одного из польских аэродромов в воздух поднялись 119 бомбардировщиков Х – 111. Ровно в полночь 22 июня они были над Полтавской авиабазой. И начался крошечный ад. Бомбардировщики шли на высоте 5-6 тысяч метров группами, без прикрытия.

Мы проснулись от первых разрывов бомб и затаились, как мыши под метлой в своей комнатке. Разрывы раздавались вдалеке, мы осознавали, что в городе бомбить нечего. Было светло, как днём. Самолёты сбросили специальные осветительные бомбы и лётное поле

у них было как на ладони. Несмотря на большую высоту, бомбардировщики работали очень прицельно, они бомбили только лётное поле. Рядом находился палаточный городок американских летчиков, но они практически не понесли потерь. На лётном поле работали наши солдатики, которым предстояло каждую ночь перетаскать на своих руках более тысячи тонн авиабомб.

Бесполезно тархтели зенитки, они не доставали на такую высоту и снаряды разрывались в воздухе, не достигнув цели. Ночными истребителями авиабаза очевидно не располагала, так как не взлетел ни один истребитель.

Волна за волной накатывали Х – 111 и бомбёжка продолжалась несколько часов. По данным, которые я узнал сейчас, было сброшено более трёх тысяч тонн бомб.

Утром всё стихло, немцы без потерь улетели на свою базу. Как показала сегодняшняя хроника, Геринг со своим штабом праздновал победу. Успех операции превзошёл все ожидания командования Люфтваффе.

44 бомбардировщика В-17 были уничтожены полностью, по всему лётному полю были разбросаны двигатели, шасси, оперения; 35 серьёзно повреждены. Всего убитых 32 человека, в том числе 31 наших солдат. Наши сапёры обезвредили около 34 тысяч неразорвавшихся авиабомб и мин. Немцы набросали около 15 тысяч мин – лягушек, часть из них попала и на город. Если дотронуться до такой «лягушки», она подпрыгивала на высоту до 1 метра и взрывалась. Преследовалась цель – не дать возможность быстро восстановить аэродром. В результате многие люди погибли или остались калеками, в том числе и мальчишки.

Думаю, что такого поражения в Европе американская авиация не знала за все годы второй мировой. Начались разборки, кто виноват. Ясно было одно – авиабазы особого назначения больше не существует. Лётчики отправлялись домой, на родину. Часть из них улетела 19 сентября на оставшихся машинах, большинство уезжало воинским эшелоном. 12 октября ушел эшелон с последними американцами. Ходили слухи, что некоторые из них увозили наших девушек, с которыми они вместе работали. Но это только слухи. Армейская контрразведка строго следила за «порядком». Многие брали горсть полтавской земли на память, эта земля стала для них близкой.

В Полтавской земле остался лежать американский лётчик Ричард Кришнер. Он застрелился на лётном поле аэродрома из-за того, что ему не разрешили жениться на украинской девушке.

Стоп!.. Не вся история.

Летающий джаз и большая любовь.

Прошло шесть лет с тех пор как я начал писать эти воспоминания и снова мне попались на глаза свидетельства тех дней. В «Бульваре Гордона» №11 за март 2014 года я прочел публикацию главы из нового романа известного российского писателя Эдуарда Тополя, который живет в США, «Говорит Нью-Йорк. Легенды Брайтона». В этом романе он излагает беседу с ветераном войны, фронтовым фотокорреспондентом, Одесским евреем Яковом Меиром, который летал на тех «В – 17» и тоже живет в Америке. Я воспроизвожу выдержки дословно; это интересно.

В июне 1944 – го в Англии, на американской базе в Сорп Абботс, командование Восьмой авиадивизии каждый день собирало по 40 – 50 лучших пилотов, штурманов, радистов и стрелков и предлагало им принять участие в «секретной миссии особой важности». Никто не отказывался, в том числе экипаж «В - 17G», который все называли The Flying Jaaz – «Летающий джаз». Ты знаешь какой экипаж у «летающих крепостей»?

Я молча пожал плечами.

- 10 человек! – сказал Яков.. – Первый пилот-командир, второй пилот, штурман, радист, бомбардир и пять стрелков на «скуловых» пулемётах в носу, в радиорубке, в бортовых амбразурах и в хвосте. Так вот, в том экипаже человек семь были не только летуны и вояки, но и джазмены из Нешвилла, Сан – Луиса и Нью – Орлеана. Они ж там, в Америке, все

пришли в армию с гражданки, как Элвис Пресли, быстро выучились на летчиков и радистов и – пожалуйста, собрались в «Летающий джаз», в их авиации первый пилот сам подбирает себе экипаж.

И как токо они записались добровольцами на эту миссию, им с ходу сделали прививки от сибирской чумы и других «русских» болезней, выдали полярное обмундирование и уже назавтра 130 «Б – 17» и 70 «мустангов» сопровождения взлетели в ночное небо.

.... Набрав высоту самолеты пошли на восток. Теперь представь, как это выглядит. Все экипажи одеты в полярные костюмы, с электрическим подогревом, меховые рукавицы и ботинки, а поверх ремни безопасности, стальные шлемы, кислородные маски, летные очки и парашютные ранцы с компасом.

И вот вся эта громада над целью, над Рухландом, всего в 100 километрах от Берлина. В этом Рухланде немцы делали синтетические масла для танковых моторов. На подходе к нему «В – 17» снизили скорость и открыли бомбовые люки, отчего тряска стала – ужас ...

Так вот, я был в том самолете. И в Англии на базе Восьмой авиадивизии тоже был. Потому что всю эту операцию курировали лично Рузвельт из Вашингтона, Черчилль из Лондона и Сталин из Москвы. Ну а это уже 44-й год. Сталин уже очухался от паники 41 – го года, он уже генералиссимус, и всё шо он делает, наша студия фиксирует для истории. Поэтому в Полтаву были отправлены не одна, а две киногоруппы – моя и Семена Школьников. Тебе понятно почему две? Но это ж просто! Мы летали с американцами, и если бы одного из нас сбили, история бы не пострадала. Ладно, слушай дальше, это только цветочки. Американцы сбросили бомбы – семь тонн с машины, я это снимал, лежа с камерой у бомбового люка. И, между прочим, на мне не было никакого костюма с подогревом, а просто наша меховая куртка и собачьи унты. Но мы тогда здорово долбанули фрицев! Бомбы летели вниз, как семечки! Потом ребята дали скорость, и я снял позади нас столбы дыма высотой в пять километров.

Тут нам пришлось принять бой с «мессерами». Всё таки они нас нашли! А это были «Мессершмитты – 109» с желтыми носами, ударный «Конкор» Геринга. Они прорвались через прикрытие «мустангов» и набросились на наши тихоходные «летающие крепости».

Я бегал по пустому бомбовому отсеку от стрелка к стрелку и снимал, как эти джазмены отстреливались из всех 13 пулеметов, установленных на «В-17».

В результате немцам удалось сбить две летающие крепости, а наши «мустанги» и стрелки «В-17» сбили пять «мессеров», и оторвавшись от немцев, мы ушли на восток в сплошную облачность. Короче, от Рухланда до Полтавы мы летели ещё пять часов. В бомбовом отсеке у каждой «летающей крепости» стояли дополнительные баки с горючим. Тогда, в 1944-м это был самый длинный рейд – 12 часов от Англии до Полтавы без дозаправки!

И вот, представь себе, на рассвете мы вже летим над Польшей, солнце встает, облака поднимаются, я сижу с камерой на месте носового стрелка и вижу внизу только убитую войной землю. Никаких деревьев и домов, только руины, окопы и воронки от снарядов! Тысяча километров мертвой, бомбами изрытой земли! Это было страшней самых страшных бомбежек...

И так, истратив всю горючку, мы буквально на последних каплях приземлились в Полтаве. А при заходе на посадку Ричард Кришнер, второй пилот и трубач из Нешвилла, которому было-то тогда 22 года, вдруг увидел сквозь боковое окно кабины не то мираж, не то видение: под высоким обрывом, на пустом берегу реки, огибающей город, выходит из воды юная красавица, прекрасная, как я не знаю – Марина Влади в фильме «Колдунья», токо ещё моложе.

Но самолет пролетел мимо и сел на том секретном аэродроме. Там для тяжелых «В-17» была одна посадочная полоса, выложенная из металлических секций. И мы садились, как гуси, - в хвост друг за другом. А «мустанги» садились рядом на земляное покрытие, там по краям летного поля стояли наши «Яки» и американские «Аэрокобры». Дальше - деревянная башня диспетчерской и американский палаточный городок.

Ещё когда мы только садились, я включил камеру и снимал, как наши - военные и

гражданские – встречали американцев. Конечно, наши офицеры старались быть сдержанней, но рядовые не скрывали радости. Они гладили фюзеляжи «мустангов» и «летающих крепостей», обнимали пропеллеры и братались с американцами. А те уже выстроились за hot soup – так они называли украинский борщ, который наши солдаты наливали им из алюминиевых бидонов.

Потом американцев повели по палаткам, каждый летчик нес с собой свой походный мешок с будничной и парадной одеждой. В палатках им выдали спальные мешки и показали сортиры по краям палаточного городка. Дорожки к этим сортирам охраняли наши вооруженные солдаты. «Да это не Англия» – сказали американцы. Потом мы просто рухнули от усталости и уснули замертво. 12 часов полета в тряске «В – 17» да еще когда тебя в любой момент могут грохнуть – это, я тебе скажу, еще та усталость!

Но рано утром нас разбудила громкая музыка. Это «Летающий джаз» устроил утренний джаз-сешн из одной трубы, которую возил в своем мешке наш первый пилот Френк Джавис, и губной гармошки, на которой играл Ричард Кришнер. За что остальные американцы, выскочившие из своих палаток, их чуть не убили. Но все закончилось смехом, общей песней «Мы летим, ковыляя во мгле», и завтраком.

Затем американцы и я вместе с ними отправились смотреть Полтаву. Но никаких красот, описанных Пушкиным и Гоголем, в городе не было. Немцы, отступая, взорвали весь центр, теперь там были сплошные руины. Люди жили в подвалах, дети играли среди гор битого кирпича. К продмагу тянулась женская очередь с продуктовыми карточками. Мужчин не было, кроме одноногих на костылях и безногих на деревянных поддонах с шарикоподшипниками. От земли они отталкивались самодельными деревянными колодками наподобие утюгов. Седая старуха и старик, беженцы, вернувшиеся из Сибири, шли посреди улицы, бормоча еврейскую молитву и толкая перед собой детскую коляску с чемоданом, узлом одежды и швейной машинкой. На столбе висел черный раструб громкоговорителя, Левитан вещал фронтовую сводку...

Я всё это снял на пленку. В Красногорске, в киноархиве, кассеты с этой пленкой лежат в военном отделе 1944-45 годов.

Пройдя разбитую Октябрьскую улицу, мы слышали баян. Это в самом центре города, в Корпусном саду, шли танцы. Там американцы – технари, построившие аэродром, танцевали с полтавчанками вальс «Амурские волны». Его играл местный одноногий баянист. Тут же был рынок-толкучка, там прямо с земли продавали всё – фрукты, картошку, немецкие каски, бинокли, подсолнечное масло, альбомы с марками, пластинки и патефон. Какой то мужик купил у летчиков сигареты, а те на полученные рубли тут же купили себе по кульку с жареными семечками.

И вдруг на земле, у ног одной из торговек они увидели инструменты – трубу, саксофон, два кларнета, две скрипки, аккордеон и даже барабан с палочками. Ты бы видел, как они схватили эти инструменты! Стали вертеть их в руках, пробовать. А это были настоящие немецкий альт-саксофон, чешская флейта, румынские скрипки какого то Штроха, французский кларнет, аккордеон «Хорх» и труба Schagerl! Для американцев это было сокровище, но им нечем было платить. А у меня, как ты понимаешь, в кармане одна махорка. Но торговка оказалась не дурой, она показала на их высокие кожаные ботинки. Через несколько минут, счастливые и босые, они уже были настоящим джаз-бандом. И, грея мелодию «Мы летим, ковыляя во мгле», мы вошли на танцплощадку, забив своей музыкой того баяниста. Конечно, все девки хлынули к нам и вместо «Амурских волн», заплясали чарльстон. Я снова включил кинокамеру, но через несколько минут появился «СМЕРШ», они пресекли это «разложение», арестовали американцев и в грузовике повезли их на аэродром к американскому командованию. Я пытался защитить ребят, но куда там! Командиром Полтавского «СМЕРШ» был капитан Гришков. Он, как коммунист, ненавидел американцев и требовал их наказания.

Но никто их наказывать не стал, уже поступил приказ о новом вылете. Им выдали новые ботинки, и, можешь проверить по официальной сводке, на рассвете, 6 июня 44-го года 104

«В-17» и 42 «мустанга» разбомбили в Румынии немецкий военный аэродром Галати и вернулись в Полтаву. По дороге во время боя с немцами мы – ну, то есть они – сбили восемь «мессеров» и потеряли два «мустанга».

Подлетая к Полтаве, Ричард Кришнер попросил Френка Джависа доверить ему посадку. И повел самолет туда, где прошлый раз видел ту русалку. А она снова плавала там! Но летающая крепость так её напугала – она выскочила из воды и, пока Ричард делал круг для второго захода, быстро, как мартышка, вскарабкалась вверх по откосу и нырнула в одну из украинских хат-мазанок.

Но ещё до этого Ричард сквозь окуляры бинокля успел разглядеть её всю.

Как при немцах люди жили в Полтаве?

Поскольку фашисты угоняли в Германию всех способных к труду, многие молодые бабы прятались на окраине в землянках. Старались шоб дети не видели, как в лощине у речки Ворсклы фашисты и полицаи регулярно расстреливали евреев. И всё это время 35-летняя Маруся прятала свою 12-летнюю дочь в землянке, мазала ей лицо сажей, а сама, спасаясь от угона, жутко кашляла – пугала немецких патрулей туберкулёзом...

Но когда мы выбили немцев из Полтавы, Маруся вернулась в свою хату-мазанку на окраине Подола и вывела, наконец, свою 15-летнюю дочь из землянки на берег Ворсклы. Сбросила с неё тряпье, стала купать в реке и сама ахнула от её красоты – за три года немецкой оккупации девочка из подростка превратилась в красавицу. Только дикую и немую. Выросшая в землянке, без света, без книг, без людей и без школы, она всего боялась и не говорила ни слова.

Красота Оксаны испугала Марусю. Она запретила ей выходить за калитку, а сама, соблазнившись повышенным пайком, завербовалась сначала на стройку американского аэродрома, а потом осталась там посудомойкой в столовой. Эта работа дала ей возможность кормить дочку. И здесь же, на аэродроме, к ней стал приставать капитан Гришков. Но Маруся ему отказала.

А уже наступила весна, зацвели знаменитые полтавские вишни, яблоки и груши.

А Маруси нет дома с утра до вечера. И Оксана стала осторожно выбираться из хаты. Прячась в кустах, она пробиралась на край Белой беседки – той самой над Ворсклой, откуда Петр Первый командовал битвой со Шведами. Теперь с того же косогора Оксана следила за инопланетянами – американцами. Затем, смелея, стала спускаться к реке и плавать в небольшом затоне...

Мейер продолжал.

Конечно, как токо мы приземлились, Ричард Кришнер бросился на берег Ворсклы искать ту русалку, но не нашел, испуганная самолетами, она опять сбежала в свою хату. Но Ричарду было-то 22 года, и эта Оксана не шла у него с головы. А вокруг уже бушевали романы американских летчиков с полтавскими жинками, три года прожившими без мужиков. Поскольку создание этого аэродрома имело для войны большое значение, «СМЕРШ» и НКВД были вынуждены закрывать глаза на их романы с американцами. Но только не капитан Гришков. Если полтавским бабам он сделать ничего не мог, то, как зверь, выслеживал романы американцев с нашими солдатками, и по его рапортам генералу Абакумову, начальнику «СМЕРШа», одну нашу радистку отправили в штрафбат, а двух других уволили из армии...

Тем не менее, летом 1944 года Полтава была почти «свободной зоной», на рынке торговали американскими сигаретами, шоколадом и жвачкой, а американский джаз-банд легально играл в Корпусном саду. Друзья постоянно тащили Ричарда в хаты своих подруг, где под вареники с вишнями хотели свести его с такими же «гарними та щирими жінками».

Но Ричард уже запал на Оксану. Как лунатик, он бродил на рассвете вдоль Ворсклы и таки выследил её. Но дикая Оксана кошкой метнулась вверх по косогору, а Ричард сорвался и слетел вниз, оцарапался в кровь.

Раз в неделю американцы отправлялись на Запад бомбить немецкие заводы в Руре, Киле и Касселе, потом сворачивали на заправку в Италию, садились в Бари, оттуда в Англию, а из

Англии через Германию, отбомбившись, снова прилетали к полтавским дивчатам. Так это шло. А потом случилась высадка американцев в Нормандии, открытие второго фронта – то была такая радость и братание, ты не представляешь, шо то был за праздник! Вся Полтава как с ума сошла, даже Маруся отпустила Оксану в Корпусный сад на танцы. А там, конечно, играл «летающий джаз». Ну и сам понимаешь...

Так началось приручение немой дикарки и развитие их любви тайно от её матери. При этом Ричард настолько влюбился, что понес в Полтавский горком партии заявление с просьбой разрешить ему жениться на Оксане и увезти её в Америку. Он меня упросил написать это заявление по-русски, я писал и говорил, что он «крэзи», что никто эту свадьбу не разрешит. И конечно, его с этим заявлением не пустили в здание горкома...

Дальше немцы обнаружили этот аэродром, их «рама» , самолет – разведчик притащился в Полтаву на хвосте «летающих крепостей». О чем наш командир авиабазы тут же сообщил американцам и посоветовал им срочно перелететь на запасной аэродром в Пирятине. Но то ли этот перелет не был разрешен Сталиным, то ли не так-то просто было срочно заправить и перебазировать почти сотню «летающих крепостей», вместе с их технической базой, то ли сыграла роль беззаботность американцев, но факт остается фактом – почти сотня «В-17» осталась тогда на аэродроме.

И вот финал.

В ту ночь Ричард пробрался в сад у хаты Оксаны. А Оксана через окно выбралась к нему. Но в самый разгар их любви, когда Ричард шептал ей: “Do it! Do it!", из-за кустов появилась Маруся, мать Оксаны.. а она была очень крепкая женщина со стройки и с пшеничной косой толщиной вот с эту руку.

- Зараз я тобі вдую – сказала она и так врезала Ричарду, что он рухнул на зеалю. После чего оплеуха досталась и Оксане. А потом снова Ричарду.

И тут немая Оксана бросилась к матери и закричала:

- Мати, не треба! Не вбивай його! Я його кохаю!

Маруся обалдела от её голоса – её немая дочь не просто заговорила, а закричала! И Маруся приказала Ричарду:

- Вставай!

Ричард встал и шатаясь сказал:

I love her... И тут же получил по уху так, что снова шмякнулся на землю.

Зато Оксана снова закричала матери:

- Мати, що ти робиш?! Не бий його!

Маруся на радостях опять приказала Ричарду:

- Вставай!

Ричард поднялся, сказал опять:

- I love her...

И свалился от нового удара. А Оксана валялась в ногах у матери и кричала:

- Мати тримай! Не бий його!..

Ричард всё таки встал. Он думал, что Маруся не понимает по- английски:

Я кохаю Оксану...

И упал – уже сам по себе.

Маруся постояла над ним и дочкой, которая обрела дар речи, а затем легко подняла Ричарда на руки, отнесла в хату, положила в кровать и приказала Оксане:

Лягай з ним!

Оксана, поскуливая легла к Ричарду и обняла его.

Мать постояла над ними, перекрестила их и ушла.

И тут жуткий рев сотряс ночной город.

Взлаяли и заскулили собаки, попрятались кошки, завизжали свиньи, а люди бросились у свои подвалы, ожидая бомбежки.

Это 75 немецких бомбардировщиков и 30 «мессеров» прилетели по наводке самолета – разведчика. Они сбросили осветительные бомбы, каруселью закружили над аэродромом и

два часа гвоздили бомбами «летающие крепости», «мустанги» и склады с горючим. Наши 50- миллиметровые пулемёты не могли их достать, а Сталин, которому доложили об этом по телефону из штаба Украинского фронта, не разрешил нашим истребителям подняться в небо. И в ночь на 22 июня, 1944 года немцы уничтожили почти все американские самолеты, базировавшиеся на Полтавском аэродроме.

Я это видел своими глазами, потому что, когда немцы прилетели, мы с Семой Школьниковым и двумя нашими ассистентами выскочили из своей палатки и побежали от палаточного лагеря в сторону города. И вдруг от этих зажигалок стало так светло, что мы прыгнули в первую же воронку и залегли там, как мыши. Вжавшись в землю, мы, оба члены КПСС, молились Господу Богу на всех языках, какие знали. Потому что когда вокруг огонь, взрывы и смерть, никакая партия и никакой Ленин тебя не спасут, а спасти может только Бог. Но бомбежка длилась два часа, и наши молодые помощники, которые таскали за нами яуфы с пленкой, не выдержали. Они выскочили из воронки и снова побежали в Полтаву. И что ты думаешь? Ведь для немцев вся земля была как на ладони. И мы своими глазами увидели, как один из «мессеров» спикировал прямо на наших ребят и буквально прошил их из пулемета. Только те строчки были черно-красные....

А Ричард в ту ночь был на Подоле у Оксаны и оттуда видел эту бомбежку. Как потом посчитали наши саперы, немцы сбросили 34 тысячи мин и бомб, этот ад огня, дыма, взрывов и горящей земли длился два часа. Было понятно, что это конец, и Ричард взял с Оксаны слово, что утром она прокрадется на аэродром и улетит с ним в Америку. Потом, когда немцы улетели, он оставил ей свою трубу Schaherl и убежал на аэродром, который был уже оцеплен милицией, - там наши саперы и механики обезвреживали немецкие «прыгающие мины».

Вскоре сюда прибежали Оксана и другие женщины, влюбленные в американцев. Оксана сказала Ричарду, что мать разрешила ей бежать с ним из СССР. Как только откроют аэродром, она выполнит свое обещание и улетит с Ричардом. Может быть, оглушенная бомбежкой, она сказала это слишком громко, не знаю...

Через три дня американские техники собрали и починили девять уцелевших «В-17».

Ричард стоял у самолета, уже ревущего моторами, курил и ждал Оксану.

Но вместо Оксаны прибежала её мать, солдаты оцепления не пропустили её, и она крикнула Ричарду, что смершевцы задержали Оксану, что она не появится..

Френк Джавис, первый пилот, высунулся из кабины и приказал Ричарду занять свое место.

- Сейчас, - ответил Ричард.

Он докурил свой «Данхилл», затоптал ботинком окурок, глянул на Белую беседку над Ворсклой и ... увидел Оксану.

Чудом вырвавшись из рук смершевцев, она, избитая, бежала по косогору на аэродром. А за ней гнался капитан Гришков и на ходу стрелял из нагана, стараясь попасть ей по ногам..

Выхватив из кобуры свой пистолет, Ричард бросился им на встречу. Но стоило ему добежать до красноармейцев, оцепивших аэродром, как один из них, увидев в руках у Ричарда пистолет, вскинул свою винтовку и нажал курок.

Пуля пробила Ричарду грудь, он был убит наповал.

Оксана, прорвав оцепление, бросилась к нему...

Через час эскадрилья, погрузив на борт труп Ричарда, взлетела и растаяла в ночном украинском небе.

Но операция Frantic Joe продолжалась до конца сентября 1944 года, и Flying Jazz продолжал – но уже без Ричарда – летать с полтавского аэродрома и бомбить по немецким тылам...

А Оксана родила от Кришнера сына и ... стала моей женой.

Ну вот... Как тебе эта история?

Старик усмехнулся:

Я могу тебя с ней познакомить, мы живем на 12-й Брайтон-стрит.

Роме сейчас 34, - сказал старик. – Он окончил музыкальную десятилетку, потом Ульяновское летное училище, потом попал в аварию, а сейчас в Израиле летчиком на сельском самолете в кибуце. Поливает с самолета клубнику и помидоры. Но дело не в этом. Четыре года назад мы прилетели в Америку, и я повез его и Оксану на Арлингтонское кладбище под Вашингтоном. Там среди могил американских героев войны мы нашли могилу Ричарда Кришнера. Оксана, конечно, плакала; а я сказал Роме, что это его отец. И тут, представь себе – он открыл свой рюкзак, достал трубу Schagerl и стал играть «Мы летим, ковыляя во мгле». Оказывается, он уже давно знал про Ричарда. И вдруг – хочешь верь, хочешь нет – мне показалось, что я слышу, как где-то рядом заиграли немецкий альт-саксофон, чешская флейта, румынская скрипка Штроха, французский кларнет и аккордеон «Хорх». Это с разных концов кладбища ко мне шел весь Flying Jazz Band. Они все погибли 20 летними, в ноябре 44-го».

Сильная история, правда? Рассказана она была стариком Меиром в 1980 году.

История Полтавской авиабазы имеет своё продолжение. После войны авиабазу отстроили, оснастили новейшим оборудованием и засекретили. Лет двадцать пять назад здесь кипела жизнь. «Полтава – 4» в советские времена слыла мощной авиационной базой, где дислоцировались два полка тяжёлых самолётов, способных нести ядерное оружие, и штаб 13-й гвардейской авиадивизии. Закончилось всё печально. Времена изменились. Независимая Украина отказалась от стратегической авиации, и однажды на военном аэродроме снова затрепетал флаг США. Посол заокеанской державы лично наблюдал как пускают под нож первый легендарный ТУ-22МЗ, прозванный американцами за свою боевую мощь «Бекфайером». То был конец Полтавской авиабазы. Вскоре после сдачи в металлолом последнего ракетоносителя, остался небольшой военный городок в пяти троллейбусных остановках от центра города, где бедствуют военные пенсионеры – бывшие «Сталинские соколы.»

В конце лета 1944 года объявился отец. Он был освобождён из румынского плена нашими войсками и румыны перешли на нашу сторону. После соответствующей проверки, из бывших военнопленных офицеров был сформирован полк, который вошёл в состав второго украинского фронта.

Война уже велась на территории восточной Европы. После освобождения Румынии, перед вторым и третьим украинскими фронтами была поставлена задача овладеть сильно укреплённым Будапештом, столицей Венгрии. Наши части были измотаны непрерывными четырёхмесячными боями и задача оказалась сложной, немцы серьёзно закрепились на рубеже Дуная, имея численное превосходство по некоторым видам вооружений. Можно сказать, что это был второй Сталинград. Бои за Будапешт велись с декабря 1944 года по конец февраля 1945 года. Если район Пешта удалось освободить довольно быстро и с минимальными потерями, то в Будапеште штурмовали каждый дом. Отец воевал помощником командира офицерского штрафного батальона. Шансов выжить было очень мало.

Второго февраля, после очередного штурма, отец неосторожно вышел на балкон, только что захваченного жилого дома и был скошен пулемётной очередью. Пули попали в ноги, ниже колен, в левую ногу разрывная. Отвоевался...

В полевом госпитале ампутировали ногу и отправили долечиваться в Полтавский госпиталь. Поздно вечером постучали в дверь нашей квартирki; на пороге стояли два солдата – один на костылях с погонами капитана (в том же звании, что и ушёл воевать) и второй сопровождающий, рядовой. За плечами капитана вещмешок с буханкой хлеба и банкой консервов, - победитель вернулся домой.

Пару месяцев в госпитале; ещё одна операция и в подарок тяжёлый протез.

Как ни странно, отец не был демобилизован, он числился в кадрах армии, находился на излечении и получал небольшое довольствие. Нужно было жить и думать о будущем, ведь ему было только 39 лет.

Мама работала в школе, я учился в 4 классе, Юра ходил в детский сад, - все были при деле. Буханка хлеба на рынке стоила 100 рублей, а мама получала 700 рублей. Отец вспомнил своё довоенное хобби, - набивал папиросы. Покупал табак, клеил мундштуки из тонкой и толстой бумаги и специальным приспособлением выдавливал в готовый мундштук табак. Ну а моё дело было реализовать продукцию. Я выходил вечером к кинотеатру, что на Октябрьской улице – “Кому папиросы”, по рублю штука. Там же крутые пацаны продавали американские сигареты Честерфилд по 100 рублей за пачку и жвачки. На дворе стояла весна 1945 года. Очень тяжело было зимой. Нечем было топить. Мы собрали с близлежащих развалин все, что могло гореть, в основном это не догоревшие балки перекрытий и остатки угля. Очередь за керосином нужно было занимать ночью, а как же хотелось спать. Но тепло уже близко и близка победа. Шли жестокие бои на подступах к Берлину. Сводки с фронта отца как-то не интересовали; он свою войну проиграл. Более удачливый был его младший брат Александр. Перед окончанием войны он заехал к нам; 28 – летний подполковник с молодой фронтовой женой, он направлялся на учёбу в академию имени Фрунзе. Его ждала блестящая карьера и ещё много жён впереди. В ночь на 9 мая нас разбудила стрельба. Строчили автоматы. Всё небо было в зареве от сотен ракет. Я порывался выйти на улицу, но отец сказал – «Никуда не пойдёшь, ложись спать». 1418 дней войны закончились. В 2008 году на этом я закончил свою писанину. Но после ещё не раз возвращался, корректировал, дописывал, находя новые сведения и сюжеты в интернете о той войне.

Сегодня 22 июня, 2014 года.

Ровно 73 года назад началась Великая Отечественная Война, которая затронула каждую семью, оставила зарубку в памяти любого, кто ещё при памяти. Есть свои любимые песни о той войне у каждого, кто её помнит; есть они у меня, такого ностальгического звучания на тему «...а завтра была война».

В шахматы играют на балконе
В довоенной южной стороне.
Смуглый мальчик в новенькой матроске,
Смуглый мальчик в новенькой матроске
И курсант при кожаном ремне.

У перил, где листья винограда,
Мать смеётся и отец грустит.
Брат приехал, он военный летчик,
Брат приехал, он военный летчик,
За балконом бабочка парит.

Мы сидим за столиком прозрачным,
А над нами летняя пора.
На доске расставлены фигуры,
На доске расставлены фигуры,
В шахматы последняя игра.

Мир затих, не двигается время,
Замер тополь, голову склоня.
Тонет солнце в бесконечном море,
Тонет солнце в бесконечном море,
До войны ещё четыре дня.

Прошлое уходит без оглядки,
Но остался голос с высоты:
Спи мой мальчик, спи мой сладко, сладко,
Спи мой мальчик, спи мой сладко, сладко,
Ведь в живых остался только ты.

Это песня Евгения Бачурина; красивая и грустная трагическая баллада о том далеком июне 1941 года. Она мне бесконечно близка.

Я их всех помню, я с ними живу.

И реальных людей, которых я знал, и героев кинофильмов о войне, знаменитых режиссеров советского кино – Чухрая, Кулиджанова, Мартынова и прозы Юрия Бондарева, Вячеслава Кондратьева, Василия Быкова. Все они в памяти моей непутевой жизни, как в той песне:

- « всё что было не со мной, помню»... Они для меня живые – Алёша Скворцов и старик Махарадзе, генерал Серпилин и Лиза Бричкина, Иван Скворцов и другие.

О первых днях войны написано не так уж много честных книг и снято фильмов. На память приходит фильм по поэме Симонова «Живые и мёртвые».

Помню фильм «Бессмертный гарнизон» с Николаем Крючковым в главной роли. Такой пропагандистско – плакатный Советский героический фильм.

И вот недавно вышел фильм режиссера Кот «Брестская крепость». На фоне попсы и современной фанерной лободы, фильм вышел довольно правдивый, но конечно со своими художественными спецэффектами и прибабасами.

Если вы соберетесь съездить в Брест, а я вам это искренне советую; не поленитесь, перед поездкой просмотрите фильм «Брестская крепость»; это поможет вам более осмысленно воспринимать увиденное, и когда вы будете ходить по развалинам Брестской крепости, а я там был, вы невольно будете воспринимать события фильма, который документально воспроизводит историю далеких от нас событий.

В обороне крепости были свои знаковые дни и события, они отмечены мемориальными досками на стенах крепости, когда и где происходило то или иное сражение. Конечно со временем возникло много мифов об обороне крепости и её защитниках. Тогдашним идеологам хотелось, что бы всё было красиво и прилажено. В реальной же жизни, как оказалось, всё было трагичнее, была и паника и бестолковость и предательство. Но всё это ведь нисколько не умаляет великий подвиг защитников крепости. Вот уж не образно, а действительно, здесь каждая пядь земли полита кровью. Здесь можно без пафоса сказать «Эти стены помнят...». В Брестской крепости действительно есть такие места, которые сохранили облик и память того времени – стены побитые пулями, осколками и снарядами.

Среди многочисленных посетителей и много детей. Для них это скорее развлечение. Они мало что поймут, но ведь память и какие то ощущения у них останутся. Для чего? А для того, чтобы знать, что в нашей жизни бывают такие ситуации, моменты истины, когда от нас требуется пожертвование во имя других, во имя близких, во имя справедливости. Чувство долга, конечно, должно воспитываться с детства и на личном примере. Это так, но признаемся, что мало кто из нас нынешних, может стать примером для юных. Вот потому мы чаще обращаемся к подвигу наших отцов и дедов. И Брестская крепость нам такие примеры являет. И главное, без лишней лживой мишуры.

О защитниках крепости мы узнали от писателя Сергея Сергеевича Смирнова, ведь это он из небытия воскресил героев обороны крепости. Большое дело совершил, и в музее есть стенд, посвященный ему и его подвижнической деятельности. Он был настоящим патриотом

России и при этом преодолевал сопротивление номенклатурного аппарата, по крупицам собирая истории тысяч героев страны. Он вернул им имя, а многим и честь. Конечно музей архаичный, он требует серьезной реконструкции и модернизации. Бедная Беларусь такой проект не потянет. Конечно, хотелось бы, чтобы все республики бывшего Советского Союза внесли свой вклад в реконструкцию музея. Радует то, что музей – крепость находится на территории Белорусского государства, где чтят память героев той войны и поэтому есть надежда на то, что мемориал надолго сохранится для наших потомков.

Мирное небо над крепостью Бреста,
В тесной квартире счастливые лица;
Вальс, политрук приглашает невесту,
Новенький кубик блестит на петлице.

А за окном, за окном красота новолунья,
Шепчут за лугом плакучие ивы.
Год сорок первый, начало июня,
Все ещё живы, все ещё живы, все, все, все...

Вдоль аллеи мемориальные доски с именами погибших – русские, белорусы, украинцы, армяне, латыши, узбеки... Имя старшего брата бывшего руководителя Грузии Эдуарда Шеварнадзе. Все они отдали свои жизни 70 лет назад. Им уже давно ничего не нужно и от нас им ничего не нужно, это нам они нужны. Потому что чужой подвиг, чужое мужество придают силы и нам.

Ещё живы те, кто воевал, жива их память. Тогда, в начале войны им было кому 17-20, а кому и 16 лет. Тех, кто пошел на войну в 25-30 лет и старше, их уже нет с нами. Они уже не приходят к скверу Большого театра; их души уже давно улетели журавлиным клином.

Мне кажется порою, что солдаты...

Брест это символ начала войны; это трагическая дата, она такой всегда и будет. 1418 дней и ночей, каждый воевавший мечтал дойти до Берлина, но не каждый дошел... Берлин это символ окончания войны.

Всему своё время – время рождаться и умирать, время разрушать и время строить, время плакать и время смеяться, время любить и ненавидеть.
Время войны и время мира.

Сегодня 22 июня 2014 года – время грустить и вспоминать тех, кто ценой своей жизни подарил нам возможности сегодняшнего дня. Ну а завтра мы будем петь и смеяться, как дети, если не будет войны.

Правда и мифы о войне.

От сегодняшних остепененных «умников», особенно в Украине, которые, конечно же, не видели войны, мы часто слышим, что победа в той войне ничего не дала народу, привела к усилению сталинского режима и новым репрессиям; мол, столкнулись две непримиримые идеологии и бросили в топку войны миллионы человеческих жизней. Не Третий Рейх и СССР, не Германия и Россия, а две абстрактные идеи. Мол, если бы победил Гитлер, мы бы сейчас ели сосиски и запивали баварским пивом. Это один из популярных мифов о добрых немцах.

А теперь, правда.

Десятки тысяч стертых с лица земли сел и деревень, уничтоженных полностью, так и не восстановленных после войны, в основном, в Псковской, Новгородской, Ленинградской, Смоленской областях России.

План «Ост» был создан для войны на уничтожение.

Война на востоке принципиально отличалась от войны на западе.

Когда немецкий солдат входил в датские или французские города, у него была жесткая инструкция – в первую очередь максимально корректно вести себя по отношению к мирным жителям. На советской территории солдат Вермахта был официально освобожден от ответственности за любое преступление против мирного населения.

Нет, целью нацистов было не уничтожение коммунистов, целью нацистов было уничтожение русских, советских – славян, татар, узбеков, казахов.

Есть такая мысль у сегодня живущих – «нашим предкам следовало покориться немцам».

Сегодняшнему поколению трудно понять почему нужно было выстоять и победить ценой таких жертв.

Но наша миссия – сохранить уважительную, благодарственную память о поколении победителей фашизма и сохранить объективную правду о преступлениях фашизма и подвиге нашего народа; при всех тех недостатках, при всех тех преступлениях, которые совершало наше командование, наше руководство, при всём том огромном количестве жертв.

И всё-таки 9 мая, 1945 года наше знамя победы развевалось над Берлином, а не их свастика над Москвой.

Говорят, что если бы немцы завоевали Россию, то избавили бы нас от коммунистов. Верно, избавили бы ... И тут же утвердили на этом месте фашизм, и нам бы в той системе места не нашлось.

По плану «Ост», на территории России (до Урала), Белоруссии и Украины должно было бы проживать 14 млн. славян под руководством 5 млн. немцев – фермеров, владеющих всей землёй и всеми остатками промышленности.

Сам генеральный план «Ост» представлял собой ряд документов, докладной записки, набросков и директив, посвящённых германизации восточной Европы и СССР вплоть до Урала. Главным идеологом этого плана был рейхскомиссар по вопросам консолидации немецкого народа Генрих Гимлер; но в разработке пакета документов принимали участие сотрудники главного управления имперской безопасности, несколько университетов, а также главный идеолог нацист Альфред Розенберг. К 1942 году эти разрозненные документы объединили под общим названием – Генеральный план «Ост». В этой папке, без голословных рассуждений, чётко и лаконично сказано главное – 4,5 млн. немцев должны заселить города и самые плодородные земли Советского Союза от западных границ до Урала, 30 млн. человек, населяющих эти земли до оккупации, должны быть частично эвакуированы, частично физически уничтожены.

Не все документы сохранились, но то, что сейчас можно найти, это основа национал – социалистического режима. Существовало понятие «народ и пространство». Считалось, что немцам не хватает места в Германии и восток просто необходимо колонизировать.

Нацистская идеология упрощённо сводилась к следующему:

Европу населяют народы 3х категорий – А, В, и С и выходящие за эти рамки. Для категории А – нордических народов, предполагалось постепенное онемечивание и присоединение к народу- победителю. Своими были признаны все скандинавы, датчане и голландцы. Категория В – англичане и французы, которых немцы принимали в свой круг с некоторыми оговорками. Куда хуже дело обстояло с категорией С. С теми кто, как считалось, отличались от арийцев генетически. Родился поляком, значит не повезло – ты раб. В 3-ем рейхе судьба людей категории С была отведена как прислуге и сельхозрабочим, людей без образования и профессии. Поляки должны стать рабочим скотом, чехов загнать в деревни и не давать образования. Вне категории это евреи и цыгане. Их существование не предполагалось, ну исключительно для изготовления париков и удобрений. Для этой цели, начиная с 20-х годов, в Германии была создана целая сеть концентрационных лагерей, а после 40-го года и в Польше – Аушвиц. Если бы Германия одолела СССР, то, используя наши мощнейшие ресурсы, 3-й Рейх смог бы победить Англию, а затем совместно с Японией, и США.

Полная версия плана «Ост» была обнаружена в Федеральном архиве Германии через 40 лет после окончания войны. Только в 2010 году он стал доступен в цифровой информации и в

Интернете. До этого лишь местами всплывали различные документы – директивы, записки, относящиеся к плану «Ост».

Дело в том, что генеральный план «Ост» долгие годы старались не афишировать. На Нюрнбергском процессе один из его разработчиков Конрад Майер сумел выставить этот план просто как один из проектов, который якобы никто и реализовывать не пытался, поэтому суду было представлено лишь его краткое содержание. Для многих подсудимых на Нюрнбергском процессе важно было представить план лишь как теорию на бумаге и сделать так, чтобы часть документов пропала в архивах на долгие годы. Тот же доктор Конрад Майер фактически избежал серьёзного наказания, поскольку ему удалось выставить себя не виновным. Он был осужден только за то, что был членом СС, а со временем благодаря своим старым связям и коллегам, вернулся к преподавательской деятельности. До 60-х годов работал в Университете Ганновера.

Для них важно было, чтобы план «Ост» не был предан огласке целиком. Оригинал плана хранится в Федеральном архиве Германии; о нем на долгие годы постарались просто забыть. Первые полвека никто из немецких ученых и не стремился заняться изучением этого документа. Только в 90-е годы в ФРГ словно вспомнили об этом документе и начались исследования. Так появился очень серьёзный труд – книга Гетс Алли и Сусаны Хайн, которые первыми написали об нацистской идеологии и политике уничтожения. Их целью было ответить на вопрос – кто же в нормальной европейской стране подготовил эту теорию и практику зверств. Здесь от каждого абзаца волосы встают дыбом – «надо освободить пространство для немецких поселенцев» и детально разработаны методы переселения и уничтожения народов до Урала. Разгромить русских, как народ, разобщить их – вот цель. (Это удалось Ельцину, Кравчуку и Шухевичу в Беловежской пуще.)

К выселению в Сибирь и на Дальний восток по плану «Ост» были приговорены 80% поляков, 50% эстонцев, 70% латышей, 85% литовцев и 50% чехов. Остальные должны быть онемечены и превращены в «охранный корпус для славян». Все они в силу генетической неполноценности германизации не подлежали и, естественно, в касту господ не попадали. Наихудшая судьба предназначалась для Белорусов, Украинцев, Русских. От 78 до 80% их должны были быть выселены или уничтожены. Для этого были созданы специальные команды, которые шли за боевыми частями.

В мае 1941 года рейхскомиссар Розенберг при разработке государственной программы 3-го Рейха, предложил Гитлеру план организации оккупированных территорий. В нем Украине предполагалось дать автономию, опираясь на националистов. Гитлер автономию Украины вычеркнул сразу – решил, нечего в бирюльки играть.

С 1943 года план стал неактуален, как бы самим спастись.

Этим зловещим планам было суждено осуществиться лишь в конце XX века. Словно сам Гимлер нашептывал их Борису Ельцину в Беловежской пуще. Тут впору только воскликнуть – ведь даже нацисты не додумались об отделении южноуральских степей от России, - Казахстана и Средней Азии. Это сделали мы сами ровно через полвека.

«Есть много путей подрыва биологической силы народа средствами пропаганды, особенно через прессу, радио, кино, листовки, брошюры и доклады. Мы должны постоянно внушать населению мысль о том, что вредно иметь много детей, нужно показывать каких больших средств стоит воспитание детей, что можно было бы приобрести на эти средства, нужно говорить о большой опасности для здоровья женщин, которой они подвергаются, рожая детей. Наряду с этим должна быть развернута широчайшая пропаганда противозачаточных средств. Распространение этих средств и аборт ни в коей мере не должны ограничиваться». (Из сопроводительной записки к Генеральному плану «Ост».) Это можно считать не рабочим документом Второй Мировой войны, а вполне современной концептуальной моделью для Украины.

И последнее в гитлеровской пропаганде – разобщение братских народов. Нужно было ненавидеть и презирать друг друга – хохлы москалей, татары хохлов, грузины абхазцев, чеченцы русских, латыши белорусов.

Фюрер справедливо предполагал, что, разорвав ментальную связь между народами, живущими бок о бок в Советском Союзе, до победного марша вермахта будет рукой подать. «Чем больше моментов, разрывающих на части СССР, тем лучше» (Адольф Гитлер) И всё же тогда эти, блестяще выверенные и продуманные планы рухнули, вопреки всем расчётам.

Зато теперь каждый год, к очередной круглой дате выходят новые околонучные статьи, фильмы, ток-шоу, возникают споры и рассуждения по поводу того, зачем было воевать, ради чего все эти жертвы, зачем было биться за Киев, Сталинград, почему не сдали Ленинград, кому нужна была эта страшная блокада. Странно, вот у немецких историков таких вопросов не возникает. Вот один из них: «Это была очень агрессивная по отношению к местному населению политика взятия измором. Вот все знают о блокаде Ленинграда. Это была попытка уничтожить 3,5 млн. человек. Мучительная смерть, миллионы людей без еды. Вот такие идеи и преобладали в плане «Ост». Ленинград планировалось разрушить до основания, разграбить полностью и на его месте собирались построить немецкий город Ипкерманланд. И вместо 3,5 млн. русских, там должно было поселиться 200 тыс. немцев. Все это прописано на бумаге».

Идеологи 3-го Рейха прекрасно понимали, - ключик к уничтожению России – разделение, сепаратизм, отсутствие вертикали власти, неподчинение Москве. Вечная неприязнь между регионами и бывшими Советскими республиками.

Тогда, чтобы этот план провалился, свои жизни отдали 27 млн. человек и можно ли не допустить его реализацию сегодня, но уже другими методами, разработанными в кабинетах ЦРУ США?

Миф второй.

Миллионы русских воевали за немцев?

РОА Власова – 50000 чел.; народная армия Каминского – 20000 чел.; полицаи – 80000 чел.; казачьи войска – 20000 чел.

Как ни крути, какие архивы данных не изучай, все равно получим в 5-7 раз меньше, называемых «исследователями» цифр.

Правда, были и другие помощники из специальных подразделений, - вспомогательные подразделения Вермахта из числа военнопленных – «наш Иван», потом закрепилось «Хиви» (Hivs Wilige) – желающие помочь. К боевым действиям их не допускали, но использовали на вспомогательных работах. Выбор под дулом автомата. Можем ли мы, живя в мирное время, осуждать их? Задайся вопросом – а как бы поступил я?

Миф третий.

В 1942 году издан приказ Сталина №227.

«Дать возможность провинившимся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, кровью искупить свои преступления перед Родиной на более трудном участке боевых действий». И. Сталин.

Поднять бойцов в атаку, надо вскочить первым, когда естественное желание поглубже зарыться, спрятаться в землю, грызть её и рвать ногтями, только бы слиться с ней, раствориться, стать незаметным, невидимым; вскочить, когда смерть отыскивает именно тебя; подняться в полный рост под огнем, когда товарищи твои ещё лежат, прижавшись к теплой земле. Думаешь «может в последний раз вижу это небо».

1941 год. Армия бежит, в ней полно предателей и трусов. Но есть люди которые презирают смерть. Это уголовники, набранные по лагерям и сформированные в штрафные батальоны; вооруженные саперными лопатками, они идут под кинжальный огонь немецких пулеметов, погибают практически все, но высоту все-таки берут, а куда им деваться, сзади стоят загранотряды с пулеметами – это НКВД; остановишься, начнут стрелять в спину.

«Уголовники, обреченные на смерть, победили великую армию Гитлера» - вот модель одного из популярных мифов о войне.

А теперь, правда.

Штрафные батальоны и роты появились только в сентябре 1942 года согласно приказу Сталина, того самого, №227. «Ни шагу назад». На целый фронт таких батальонов было не больше трёх. В приказе, подписанном Сталиным от 28 июня 1942 года говорилось: «Население нашей страны с любовью и уважением относящееся к Красной Армии, начинает разочаровываться в ней, теряет веру в Красную Армию, а многие проклинают Красную Армию за то, что она отдает наш народ под ярмо немецких угнетателей, а сама бежит на восток. Некоторые неумные люди на фронте утешают себя разговорами о том, что мы можем и дальше отступать на восток, так как у нас много земли, много населения, что хлеба у нас всегда будет в избытке. Этим они хотят оправдать своё позорное поведение на фронтах. Ни шагу назад. Таким теперь должен быть наш главный призыв».

Враг захватил огромную территорию нашей страны, где проживало до войны 70 млн. человек, собиралось 80 млн. тонн зерна.

Отступать дальше, это значит потерять всё, потерять страну, потерять всех людей, которые остались на оккупированной территории. То есть речь шла о жизни и смерти.

В дивизии не должно было быть больше одного штрафбата.

Песня Высоцкого «В прорыв идут штрафные батальоны», просто авторская метафора. Их было мало. И отправлялись туда люди на три месяца. В случае ранения, они излечивались и воевали в обычных частях. Для офицеров штрафных рот и батальонов тройной оклад, срок службы – один год за три.

Всего действовали в войну 48 штрафных батальонов, 814 штрафных рот.

За всю войну через армию прошло 34 млн. человек, а в штрафбаты отправлено 428000, менее 1.5%. Это много, очень много. Но это ничтожно мало, что бы думать, что войну выиграли штрафники.

Это меры по укреплению железной дисциплины, что крайне необходимо было в 1942 году, но это не репрессии.

Все вернувшиеся из штрафбатов восстанавливались в звании и правах. Офицер, побывавший в штрафбате, скрывал это, стыдился, особенно если получил орден «Боевой славы» (солдатский орден).

Штрафные батальоны, состоявшие полностью из кадровых офицеров – наиболее боеспособные части, профи.

В одном из таких батальонов воевал мой отец. После тяжелого ранения при взятии Будапешта и излечения, был восстановлен в звании с возвращением всех наград.

(В 1944 году, из состава освобожденных советских офицеров были сформированы «Отдельные Штурмовые Стрелковые батальоны». Отвоевать в таком батальоне надо было только два месяца. Для тех, кто заслужил боевой орден, срок заканчивался датой награждения. Но, «всего два месяца», выжить и уцелеть при ежедневных атаках мало кому удавалось. Моему отцу повезло. Тяжелые ранения, ампутация ноги — конец войне.)

Далеко не уверен, что то, что я пишу кому то будет нужно. Моим потомкам точно не нужно.

Просто рассуждаю и вспоминаю...

Сегодня 2014 год. Я старик, долго живу по сегодняшним меркам. В страшном сне не могла присниться война в моей Украине, в 21 веке; гражданская война, мы убиваем друг друга. В чем причина, где корни этого конфликта?

У украинских националистов ответ простой, – наш враг – Россия, она развязала войну, виноват Путин, и все средства информации вбивают эту мысль в головы людей. Многим молодым, неокрепшим душам, трудно разобраться в происходящем, у них недостаточно опыта, недостаточно информации, да и просто нет желания разбираться. За 20 лет они оболванены националистической пропагандой, им рассказывают, переписанную под себя, историю, по которой они сдают зачеты и экзамены. Мои правнуки сегодня играют в

«войнушку», как и мы в своё время «воевали» с немцами, но они сегодня «воюют» с русскими.

Украина расколота на два враждебных лагеря; у каждого своя правда, своя история, свои герои, свои аргументы. Да что там Украина, расколоты поколения, расколоты семьи, брат воюет с братом, до конца не понимая, за что воюет.

Что же будет с нами и что делать?

Не зная истинных причин происходящего, не проанализировав тщательно ситуацию, нельзя дать ответ на этот вопрос.

Многие просто ссылаются на глобальную политику, мол это разборки между Штатами и Россией, мы попали в зону интересов, вот и страдаем. По большому счету, может и так, но давайте посмотрим, что произошло за последний год. Я не есть крупный политолог и аналитик, просто стараюсь получить как можно больше информации по интересующему меня вопросу и поэтому обращаюсь к разным источникам и авторитетным мнениям, благо есть Интернет и невозможно закрыть доступ к объективной информации, несмотря на все усилия нашего руководства. Много всего перечитал, пересмотрел, но на днях мне попалась на глаза статья российского драматурга и режиссера Евгения Гришковца «Я так думаю», которого не жалуют ни у нас, в Украине, ни в России, и я вполне разделяю его взгляд на ситуацию.

Причины сегодняшней катастрофы на Украине коренятся очень глубоко в истории и последствия могут быть очень тяжелыми.

«Как только кто-то приходит к убеждению или убеждён сизмальства в том, что во всём виноват кто-то иной, что вся ответственность за то, что происходит и идёт не так, как ему угодно, лежит на ком-то, а не на нём самом — он превращается в раба», пишет Гришковец. Вся история Украины — цепь политических неудач, и правители её (Украины) всегда ищут «крайних» за пределами страны.

Корень глубокой, давней и могучей ненависти к России с Лениным или с Путиным, с Петром I или с Екатериной II, ненависть, которую я вижу и слышу «від національно свідомих», кроется как раз в этом. В этой уверенности, что ответственность за все беды, за все бесконечные исторические неудачи и унижения целиком и полностью лежит на России, на Ленине, на Сталине, Путине, Петре I, Екатерине II... ну и на «усіх москалях».

Ящик Пандоры был открыт ещё на первом Майдане. Из этого ящика тут же явился Ющенко, смертельно больной патологической ненавистью к России. Он был так этим болен, что ничего другого делать не мог. Я думаю, он на работу ходил ненавидеть. Этой своей ненавистью он довёл страну до такого убожества, что Украина выбрала Януковича. И кто бы что ни говорил, а Януковича именно выбрали, избрали. Своего. Он не с Луны упал и не с российского самолёта спрыгнул с парашютом.

Кстати, я думаю, Янукович ненавидел Россию не меньше Ющенко. Он ненавидел её даже сильнее, потому что он её боялся. И Путина ненавидел и боялся. А ненависть плюс страх — всегда самая лютая и подлая ненависть. Если бы не ненавидел, не шантажировал бы, не врал, не пытался играть на два лагеря, не проявлял бы глупую спесь и не сотворил бы весь тот кровавый кабак, который мы сейчас имеем.

А ведь ненависть и свобода несовместимы в принципе.

В крови на втором Майдане повинен и Янукович и Яценюк и Турчинов. Все кто порушил ЗАКОН. Потому, что революция с насилием, как ты её не назови, — «Великая Октябрьская», или «Революція гідності» всегда противозаконна.

Януковича, конечно, надо судить. И судить его должна Украина. Но только не сейчас. Позже. Иначе это будет слишком короткий суд. Да и судьи те, что сейчас у власти, тоже должны дожидаться суда над ними. Я думаю, что и Яценюк и Турчинов должны сидеть на одной скамье с Януковичем, на одном суде. Но я думаю, никакого суда не будет или будет так нескоро, что фигуранты до него не доживут по старости, или не доживут по другим причинам.

В том ящике Пандоры оказался среди прочих бед и Крым...

Смело можно сказать, что Крым был аннексирован.

И крымский референдум был совершенно незаконным. Но абсолютно уверен, что большинство людей голосовали на нём искренне и радостно. В подавляющем своём большинстве голосовали не под автоматами и не по принуждению. Хотя, может быть, кого-то и заставили... Могли, и было кому. Но большинство людей радовались. В этом я убедился, будучи в Крыму этим летом.

Референдум был справедливый, но незаконный. Однако, о какой законности можно было говорить в стране, где были нарушены многие законы и, главное, конституция. Потому что власть была захвачена насильственным путем. Вспомните захваты государственных учреждений – областных и городских администраций, зданий СБУ, управлений милиции, захват оружия. Это происходило в западных областях Украины и в Киеве. Это было насилие и это было беззаконие. Объясняют своё беззаконие тем, что власть поступила жестоко, разогнав и избив студентов на площади независимости. Но отвечать беззаконием на беззаконие, это не решение проблемы, это тупик.

Януковича свергли справедливо, но незаконно. Как следствие – получили справедливый, но незаконный референдум в Крыму. Беззаконная справедливость и свобода — разные вещи.

Как только кто-то уверует в справедливость без закона, тут же начинается кровопролитие и мракобесие. Примером тому «народная люстрация» через мусорные баки.

Крым — это большая беда и скала, о которую разобьются многие и многие попытки примирения, о которых пока даже говорить рано.

Но украинский Крым был жалок! Фактически жалок. Замусорен и изуродован до невозможности. Я не мог смотреть на дикие строения, поставленные с нарушениями всех мыслимых и немыслимых законов и норм, которые обезобразили дивные берега и горы. Не мог смотреть на то, в каком упадке находятся архитектурные шедевры, важнейшие для нашей культуры и истории. Крым прекрасен! Но как же он загажен и унижен! Сплошной крымско-татарский сервис и еда, дикая застройка Севастополя, ржавое железо в бухтах, заплёванные камни, некогда обильно политые кровью, пьянство и упадок... Симферополь больше похож не на город, а на какой-то оптовый рынок... Зброшенные, полуразрушенные санаторные здания в Евпатории, некогда процветающей детской здравницы.

И мы, украинцы, не ездили туда отдыхать, мы больше в Турцию, а кто побогаче, на Канары, в Швейцарию, Испанию, и ждали, когда же Крым кто-то приведёт в порядок.

Изменится ли что-то теперь в Крыму? Ой, не знаю...

Крым аннексировать было нельзя. А что было делать? Я не знаю! Аннексировать было нельзя, но аннексировали его красиво. Мастерски. И я думаю, что не соверши Путин этого мастерского беззакония, то было бы столько крови, и было бы так страшно, что и думать об этом не хочется.

Думаю, что справедливо то, что в Севастополе теперь стоит русский флот без аренды. Незаконно стоит, но справедливо. Справедливо, что корабли НАТО там стоять не будут. Нечего им там делать. Справедливо то, что английские военные моряки не будут прогуливаться вольготно по Графской пристани, ощущая себя опять победителями. И немецкие не будут. Только гостями. Но не скоро...

Справедливо то, что над Севастополем Андреевский флаг.

Я думаю, что не могут в одном учебнике истории в качестве героев соседствовать защитники Севастополя всех времён и Степан Бендера. Это невозможно! Не могут столь разные памятники стоять в одной стране. Вот теперь они уже стоят в разных странах. К сожалению, всё это незаконно... И не цивилизованно!

Думаю, что на Донбассе и Луганщине творятся настоящие ужасы. Что там сейчас много людей с оружием, которые осуществляют очередное беззаконие, что и думать страшно. Любая война в сегодняшнем мире притягивает и буквально призывает ото всюду всякий сброд и человеческую мерзость. Думаю, там сейчас много мародёров, уркаганов, наркоманов, отморожков и прочей нечисти. Они вооружены. И они там правят свой страшный бал. Думаю, что с ними нужно бороться всем. И украинским военным, и тем, кто

числятся ополченцами. Но думаю, что там все так перемешались, что мародёров от ополченцев или от бойцов национальной гвардии мирным людям отличить трудно, некогда и не хочется.

Думаю, люди в тех городах, где нет сейчас повстанцев, банд, или украинских военных молятся, чтобы война миновала их, и чтобы всё шло, как было.

Я думаю, что украинские войска и добровольческие батальоны стреляли и стреляют по жилым кварталам, забрасывают минами, обстреливают ракетами и повинны в гибели многих мирных людей. Стреляют и стреляли плохо, но много. Я думаю, что многим стрелявшим всё равно, будут там убитые или нет. Война имеет такое свойство.

Думаю, что многие добровольческие батальоны сражаются люто и смело. Жестоко сражаются. Сражаются за Украину. Но жестокость в гражданской войне – это преступление. А я думаю, что всё, что происходит – это гражданская война и никакая другая. Как и в любой другой гражданской войне, участвует третья сторона. В данном случае Россия активно выступает на стороне, так называемых сепаратистов.

Думаю, что Стрелков и прочие, вроде полевого командира с позывным Моторола – военные преступники. Но и все бойцы и командиры батальонов Айдар и Азов – тоже военные преступники. Все, кто там воюет добровольно – все преступники. И те, кто сражается идейно, и те, кто приехал пострелять за деньги или за адреналин. Те, кто туда пошёл по приказу, скорее невинные жертвы, если только не проявляли особого рвения и усердия.

Я не понимаю, как так много людей в Украине реально могут надеяться на военную победу на юго-востоке. Хотеть они её могут, это вполне понятно, но как они могут в неё верить? Не могу этого понять! О чём они думали и думают? Они что, думают, что возьмут Донецк и Луганск и всё? И будут налаживать мирную жизнь, как ни в чём не бывало?

Неужели ещё не понятно, что прежней Украины с Донбасом и Луганщиной уже не будет? Её уже нет. О той Украине можно вспоминать, как об СССР. То есть, как о чём-то любимом или ненавистном, но безвозвратно ушедшем.

Недолгая история украинской государственности была до февраля нынешнего года бескровной, никто и предположить не мог, что восстанет один регион, а потом и другой, не согласные с лозунгами и действиями Майдана.

Крым настолько мастерски был отторгнут от Украины, что и сообразить не успели, что Крыма уже нет у Украины. После захвата Донецкой и Луганской администраций «сепаратистами», министр МВД Аваков заявил, что ему потребуется 48 часов для наведения порядка. Наивный человек, он не понимал того, что происходит. Украина не переживала Чечни и чеченских компаний. Она не знала горя и унижения поражения от, казалось бы, маленького региона. Казалось, легкая и быстрая победа в кармане. Но потом пришло отрезвление и только сегодня, и то не у всех, признание невозможности победы, как таковой. В своё время Украина была в восторге от Чечни, героизировала чеченских головорезов и сама ехала туда пострелять москалей. Теперь те же самые чеченцы... Не другие, а те же самые, воюют на Донбассе, стреляют украинцев.

В Украине всё может кончиться гораздо хуже, чем тогда для России с Чечнёй. Думаю, что третьего Майдана не будет, хотя о нём много разговоров. Думаю, что Майдан себя исчерпал, как инструмент народного волеизъявления. С нынешней властью никто так церемониться не будет, чтобы два с половиной месяца стоять в холода на Майдане. Я думаю, что нынешняя украинская власть будет сметена своими же измотанными, обманутыми и отчаявшимися добровольческими батальонами. Я в этом не уверен. Я это не предрекаю. Я так думаю.

Нам толкуют, что мы боремся за свободу и независимость.

Вот только вопрос от кого сейчас освобождается Украина? От Путина или от Пушкина?

Вот что по этому поводу пишет Евгений Гришковец:

«Я думаю, что сейчас проходит катастрофическая и жестокая операция по разрыву Украины и России. Эта страшная операция фактически уже завершена. Остались какие-то ниточки.

Происходящее похоже на разъединение двух сиамских близнецов, которые друг без друга полноценно жить не смогут. Сейчас разрывают два организма, имеющих одну кровеносную

систему. Это не один организм. Их два! Есть два отдельных сознания, два сердца, две души. Но кровеносные сосуды одни на двоих. Эта жуткая операция производится без наркоза и самыми грубыми инструментами. Кровеносные сосуды рвутся через жизни, семьи, дружбы, дела, связи, судьбы, историю, культуру. Рвутся, разрубаются с размахом. Крови очень много. Кровь общая. Боль зашкаливает. Опомниться никто не может. Разорванное обратно не срастить. Такую рану не залечить, не зашить. А других, близких организмов, чтобы к ним прирасти, нет, и не будет. И доноров не будет. Группа крови уникальная».

Я написал о последних событиях в моей стране так, как думаю. Я имею на это право, ведь мы усиленно декларируем демократические ценности и свободу, отождествляя себя с Европой. Я не уверен, что я во всём прав.

Абсолютная уверенность в своей правоте и в правильности своих действий говорит о несвободе. Когда кто-то абсолютно уверен в том, что он тотально и во всём прав, а другой человек тотально не прав – это несвобода.

Я думаю, что свобода в сомнениях. Свобода в ответственности. Свобода в бесконечной тревоге и опасении нарушить чужую свободу. Например, свободу думать иначе, иначе понимать, видеть, жить... говорить. Так я думаю.

Дорогие мои потомки, я желаю вам настоящей свободы. Руководствуйтесь в жизни простым правилом, если не знаете, как поступить в сложной ситуации: «Делайте, как должно (т.е. по Закону) и пусть будет, что будет».

У каждого времени своя истина, абсолютной истины не было, нет, и не будет.